

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Роман Соловьев

18+

Братишка

Роман Соловьев

Братишка

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Соловьев Р.

Братишка / Р. Соловьев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Однажды на выходные друзья едут на рыбалку, а утром они неожиданно просыпаются подростками в мае 1987 года. Сначала друзья не могут поверить, что снова очутились в детстве, и вскоре принимают твердое решение изменить судьбу. Они понимают, что теперь могут избежать многих трагических событий, а главное – спасти своих родных. Но изменить прошлое окажется не так просто...Рисунок Романа СоловьеваСодержит нецензурную брань.

Роман Соловьев

Братишка

Глава 1

– Сергей, а тебе обязательно завтра уезжать?

Инга буравила меня пронзительными голубыми глазами, будто пыталась загипнотизировать чтобы я остался.

– Конечно. Да ты не волнуйся. Мы в воскресенье, к обеду, уже точно вернемся.

– Не звезды, Колчин. Тебе только дай волю.

– Вот честное пионерское.

– Ладно. Так и быть, я отпускаю тебя. Но в воскресенье вечером с тебя ресторан.

– По какому поводу? – насторожился я, быстро перебирая в уме все памятные даты.

– Эх, Колчин, Колчин... Шестнадцатое мая. В этот день, ровно двадцать пять лет назад, мы с тобой познакомились.

Удивительно, как только женщины умудряются помнить все эти даты.

– Подожди, Инга. Так все рестораны в городе закрыты. Режим самоизоляции.

– И вправду... – растерялась супруга, – ну... тогда просто купишь хорошее вино и устроим ужин при свечах.

– Хорошо. Пойду пока вещи приготовлю и снасти посмотрю. Мы вечерком, после работы, хотим еще на рыбалку смотаться.

– Давай-давай, только ложись сегодня пораньше. А то опять до двух часов ночи просидишь за компьютером...

На балконе в рундуке я отыскал старую телескопическую удочку и костюм-горку, незаменимую вещь для работы и рыбалки.

Сегодня позвонил мой старый друг Юрка Комаров и попросил помочь по ремонту. У его родственницы, тети Вали, срочно нужно перекрыть крышу на летней кухне. Очень давно, когда мы еще учились в школе, то иногда целыми неделями на летних каникулах жили у тети Вали в деревне. Она заведовала молочной фермой и постоянно пропадала на работе, оставляя нас под надзором старшего сына Алексея, местного деревенского шалопая.

Эх, чего мы только мы не вытворили, пока тетя Валя трудилась на ферме! Бросали зловредному соседу Филиппову дрожжи в очко деревянного сортира, ездили на велосипедах на заброшенный завод и отпиливали оцинкованные трубы (Леха все мечтал сделать в огороде цивильный водопровод), частенько дрались на речке с ребятами из соседнего хутора. Причем, из-за всяких пустяков, например, за очередь кататься на «тарзанке»...

Как же время быстро пролетело! Казалось, все это было только вчера, а пронеслось уже без малого тридцать лет.

Отшумела бурная юность как горная река, и звенящая молодость стала постепенно отдаляться, уступая место зрелости. Вот уже и дети поженились и встали на ноги. Казалось, теперь можно расслабиться и смотреть на окружающий мир с легким прищуром самодовольного оптимиста и циника...

Я стоял на балконе и вглядываясь в огни вечернего города, все никак не мог поверить. Неужели Инга права, и прошло уже целых двадцать пять лет с того памятного дня нашего знакомства.

В 1995 году я служил в небольшой мотострелковой части под Воронежем. Однажды стоял на боевом посту в карауле, и ночью мне удалось задержать местного деревенского алкаша, который решил слить в автопарке пару канистр бензина. Это сейчас кажется диким, что мужик полез в охраняемый автопарк, чтобы разжиться бензинчиком, но кто хорошо помнит девяностые, прекрасно знает, что порой еще и не такие чудеса случались.

За поимку нарушителя командир объявил мне благодарность и дал десять дней дополнительного отпуска.

Как раз всю шумел пьянящий май. Приехав домой, я три дня с утра до вечера квасил с друзьями. А в субботу побрился, одел новые джинсы, и рванул на дискотеку во Дворец Культуры. Пару раз я неторопливо прошелся по дискозалу, осторожно обходя дрыгающуюся под громкую музыку школоту, и вдруг приметил в углу длинноногую блондинку в дерзкой мини-юбке. Набравшись смелости, я все же подошел и пригласил незнакомую девушку на медленный танец.

Блондинка согласилась потанцевать, но держалась она довольно настороженно. А я, уже наверное тогда утонул в бездонной глубине ее больших голубых глаз. Когда медляк закончился, девушка чуть заметно улыбнулась.

– Знаете... такой красавице точно нельзя без охраны, – пробормотал я. – Тем более в нашем городе.

– А что в нашем городе может случиться?

– Разве вы еще не слышали? Из колонии вчера сбежали опасные преступники. Шляются где-то по улицам города... а милиция их все никак поймать не может...

Я хотел быть рядом с этой симпатной девчонкой, и потому на ходу стал сочинять всякие небылицы.

– А у меня подруга с парнем, как назло, недавно ушли... – расстроилась блондинка. – Теперь придется домой одной добираться...

– Если позволите – могу проводить. Меня, кстати, Сергей зовут.

– Инга, – представилась блондинка. – Сережа, если ты не против – пойдем прямо сейчас. Я живу на квартире, и хозяйка ругается, когда я поздно возвращаюсь.

Вскоре мы вышли из душного дискозала на улицу, в теплый майский вечер.

– Сергей, а ты местный? Просто никогда тебя раньше не встречала.

– Я в Артемьевске с самого рождения живу. А сейчас просто в армии служу. На несколько дней дали отпуск за поимку опасного преступника.

– В армии тоже ловят преступников?

– Да... поймал одного злодея... он пытался в нашем автопарке мины заложить, по заданию чеченских террористов.

– А я почему-то сразу поняла, что ты солдат, – улыбнулась девушка. – А где служишь?

– Спецназ... – соврал я и пожал плечами.

– Это же круто, – восхитилась Инга. – Говорят, вы кирпичи руками разбиваете...

– Нет. Это десантники разбивают кирпичи. А мы боремся с врагами и террористами.

– Тебе, наверное, и на войне довелось побывать?

– Всякое случалось... – вздохнул я, понимая, что нужно срочно менять тему разговора.

Мы медленно прошли по центральной дорожке парка. Сирень еще цвела и приятно благоухала, и я подумал: что если наломать несколько веток для Инги? Впереди, на скамейке, сидели двое парней. Девушка решительно взяла меня под руку и прошептала:

– Там мой бывший. Все никак не отвяжется, урод...

– Не бойся. Он тебя не тронет!

Когда мы почти поравнялись со скамейкой, один из парней приподнялся. Он оказался довольно рослым и широкоплечим, с довольно наглой круглой физиономией:

– Инга, давай поговорим.

– Игорь, отвали. Или ты по-русски не понимаешь? – нахмурилась девушка.

– Послушай... – парень шагнул вперед и быстро схватил Ингу за руку, даже не обращая на меня внимания.

Я резко развернулся и одернул парня, слегка подтолкнув в плечо:

– Любезнейший, девушка же вам открытым текстом сказала, что не желает продолжать общение...

В следующую секунду я почувствовал, как в челюсть врезается огромный кулак и чуть не опрокинулся на землю, услышав колокольный звон в ушах. Перед глазами быстро поплыли темные круги. Со скамейки подскочил плечистый крепыш и подбежал сзади. Я встряхнул головой и ударил Игоря в нос, он отступил назад, обхватив ладонями лицо. В это время крепыш все же свалил меня, сделал ловкую подсечку, и я очутился лицом на асфальте.

– Отвалите от него, уроды! – вскрикнула Инга.

– Чеши отсюда! – грозно рявкнул крепыш.

Я резко развернулся и тут же почувствовал сильный удар ногой под ребра.

– Лучше не вставай, гандон! – прохрипел крепыш.

Инга побежала к фонтану, возле которого крутились трое взрослых мужиков.

– Помогите! Здесь мальчика убивают!

Игорь вытер рукавом кровь с лица, и сильно пнул меня ногой в грудь.

Парни принялись обрабатывать меня ногами по спине и ребрам.

– Убью, сучара! – злобно бормотал Игорь.

Я все же изловчился, схватил за ногу крепыша и приподнимаясь, опрокинул его на землю. Игорь тут же попытался вмазать мне по лицу, но я увернулся и удар прошел вскользь по щеке.

Крепыш наверняка был спортсменом, он мигом вскочил и ловкой подсечкой опять уложил меня лицом на асфальт.

– Валим! – рявкнул Игорь.

Парни рванули в сумеречные кусты и вскоре исчезли, а я услышал рядом голоса и приподнял голову. Встревоженная Инга стояла в сопровождении двоих мужиков лет сорока.

– Ты живой? – усмехнулся рыжий усач. – Может, до больницы довести?

– Не надо... – я почувствовал, что дышать все же малость тяжело из-за ушибленных ребер.

– Живешь-то где, бедолага?

– Недалеко. В двух кварталах.

– Я помогу ему до дома добраться, – решительно сказала Инга.

Мужики помогли мне приподняться и поставили на ноги.

– Ничего, – улыбнулся усач, – пару дней дома отлежишься и будешь как новенький.

Инга достала из сумочки белоснежный платочек и протянула:

– Сергей, у тебя лицо в крови.

Я осторожно протер разбитую губу, скомкал платок и небрежно положил в карман.

– Этого Игоря Степанова я хорошо знаю, – процедил лысый мужичок в спортивном костюме, – ученик мой бывший. Если встречу – уши ему точно накручу. Из-за чего вы вообще сцепились?

– Из-за меня, – слегка покраснела Инга и взяла мою ладонь, – ну... пойдём, герой...

По дороге девушка рассказала, что приехала из поселка Игнатовка и учится в городе на первом курсе Технологического техникума. А живет на квартире у одной довольно вредной бабули. Они познакомились с Игорем на дискотеке два месяца назад. Встречались месяц, ходили в кино и на танцы. Но однажды Игорь пригласил ее к себе домой, напоил вином, и попытался затащить в постель. Инга едва убежала от навязчивого поклонника, пригрозив, что если он еще раз приблизится – то она обратится в милицию. Почти месяц Инга не видела бывшего парня и даже почти забыла о его существовании, как вдруг неожиданно сегодня Игорь вновь повстречался в парке.

Конечно, я был поражен искренностью девушки. Ведь она рассказала свою историю практически первому встречному, а значит, Инга наверняка доверилась мне. Я сразу почувствовал, что между нами в первый же вечер вспыхнула искра.

Мы встретились и на следующий вечер, потом еще... Когда я возвращался на службу, Инга обещала писать. И действительно сдержала слово. Письма приходили ко мне с завидной регулярностью, два-три раза в неделю. Когда через полгода я вернулся из армии, у нас закрутилась настоящая любовь. А вскоре я сделал Инге предложение.

Родители отнеслись к моему решению весьма положительно. Да и Инга безумно им понравилась.

«Ранние браки – самые добродетельные...» – любил говорить отец. Раньше он был военным, десантником. Даже почти два года провел на службе в Афганистане, но дослужился только до капитана. Однажды, после очередной командировки в Афган, отец вернулся домой мрачнее тучи. Пил три дня и почти не выходил из комнаты. А на четвертый день гладко выбрился, одел новый китель и отправился в воинскую часть писать заявление об уходе из Вооруженных Сил. Через месяц отец устроился на службу в городскую Пожарную часть. Я тогда долго гадал, почему же он так поступил, резко ушел со службы. Но только когда вернулся из армии, отец все рассказал.

Рота десантников зачищала афганский кишлак. И вдруг с чердака одного дома по солдатам открыли огонь из двух автоматов. Четверых наших бойцов сразу убили наповал. Отец находился ближе всех к этому дому. Он подкрался и бросил гранату на чердак, который разнесло на куски... вместе с местным семидесятилетним стариком и четырнадцатилетним мальчишкой-подростком. Вскоре после этого случая отец и уволился из Вооруженных Сил, и поклялся больше в жизни никогда не брать оружие.

Мама всю жизнь не только преподавала биологию и химию в школе, но еще успевала следить за порядком и бытом в квартире. Я даже удивлялся, когда только она все успевает: постирать, навести порядок, приготовить обед, да еще заняться нашим воспитанием...

А еще у меня был старший брат Витя. В 1987 году его жизнь трагически оборвалась. Брата и его подругу зверски убили в лесу, а преступников тогда так и не нашли... Это произошло, когда они находились в пионерском лагере «Орленок», работали вожатыми на летних каникулах. Отец и мать после похорон сразу осунулись, будто постарели на десять лет. Я однажды подслушал за закрытой дверью, как отец рассказывал матери о беседе со следователем, что это было далеко не случайное убийство, а тщательно спланированное и подготовленное. Я тогда долго думал, кому и чем мог помешать простой двадцатилетний студент, который почти не вылезал из библиотеки, а дома вечерами тихонечко слушал в наушниках «Алису» и «Наутилус».

Когда Витя еще учился в школе, отец всегда беззлобно подкалывал его, называл «тюлей». Он хотел, чтобы Виктор выучился на юриста, но брат сам выбрал педагогический, факультет истории, успев закончить только третий курс...

Я мечтал, когда вырасту, выучусь на следователя и обязательно найду убийц брата. Но школу закончил почти на одни тройки и проработав полгода на заводе, ушел в армию. А когда отслужил – сразу женился, потом Инга забеременела, и о дальнейшей учебе я уже не помышлял. Чтобы содержать семью и не обращаться за помощью к родителям, приходилось брать за любую работу: пару лет трудился на заводе, грузчиком на железнодорожной станции, а в двадцать четыре года устроился на стройку, и вскоре понял, что наконец-то нашел свое настоящее призвание в жизни. К тридцати пяти годам я заочно окончил Строительно-Инженерный институт, тогда я уже работал мастером участка. Старшей дочери Олечке в то время исполнилось четырнадцать, а сыну Артему двенадцать...

Но всю жизнь, так или иначе, я по маленьким крупицам собирал скудные сведения о брате. Еще на заводе случайно узнал от напарника, что Витя ввязался в какую-то банду, которая наезжала на подпольных дельцов в восьмидесятых. Я не мог в это поверить. Да и какой из Витьки бандюган, когда он, насколько помню, даже никогда не ругался и не повышал голоса...

Когда мне исполнилось тридцать пять, я отмечал день рождения в ресторане и позвал кроме друзей и коллег одноклассников, с которыми со школы поддерживал отношения. Коля Язенцев уже несколько лет служил следователем в Прокуратуре. Он под хмельком проболтался, что однажды случайно наткнулся на старенькое уголовное дело, где фигурировал мой брат. Коля рассказал, что Виктор стал жертвой разборок коррумпированных чиновников. Но на следующий день, когда я захотел подробно поговорить с Колей на трезвую голову, он сразу начал все отрицать, и мне показалось, что одноклассник сожалел, что накануне ляпнул лишнего...

С тех пор больше никаких следов о брате найти не удавалось. А жизнь, как карусель, опять закрутилась-завертелась. Дом. Семья. Работа. Я пропадал на стройке целыми днями. Инга содержала небольшое ателье по пошиву верхней одежды. Дети вскоре выросли, закончили школу. Я помог дочери и сыну поступить в институт. Оля закончила учебу в прошлом году и осенью вышла замуж. Артем учится на пятом курсе Юридической Академии. В марте он женился и сейчас живет с супругой в соседнем дворе, хотя мы и предлагали молодым пожить первое время у нас. Благо, что места вполне хватает... И Артем и Настя, его молодая жена, невероятно самостоятельные, и в свободное время стараются подрабатывать. Можно сказать, что мои дети уже твердо стоят на ногах.

Но вот на работе в последнее время дела шли не очень. В связи с финансовым кризисом и последующим в этом году режимом самоизоляции, из-за карантина, наша строительная фирма потеряла кучу заказов. Весь апрель и почти половину мая сотрудники просидели дома. Шеф, Виктор Степанович Добровольский, сразу заявил, что готов оплачивать во время домашнего ничегонеделания только оклад, без премий, разъездных и выработок. Зарплата персонала сразу упала вдвое, и несколько опытных строителей, в том числе и наш бригадир Семенов, уволились и подались на вольные хлеба, или попросту шабашить.

Неделю назад фирма, наконец, взялась за строительство детского развлекательного центра. Виктор Степанович зубами урвал этот ценный заказ из Городской администрации. А я за прошедшую неделю устал как гончая собака. Приходилось работать и за бригадира, и вести документацию, да еще мотаться в администрацию, согласовывать сроки и объемы работы. И когда сегодня позвонил Юрка и предложил на выходные съездить в деревню, я сразу согласился.

Юрка Комаров уже пару лет находился на заслуженной пенсии. Он двадцать пять лет честно оттрубил в Вооруженных силах, и вышел на пенсию еще довольно крепким и подтянутым подполковником, который на турнике еще легко потягается с двадцатилетними пацанами. Мужик он, конечно, крепкий и надежный, но только имел один небольшой недостаток. Очень уж падкий до женского пола – как увидит смазливую разведенную бабу, у Юры буквально крышу начинает срывать, сразу начинает разрабатывать стратегию по соблазнению очередной жертвы. Но Комаров и сам всегда нравился бабам: высокий, подтянутый, без грамма жиринки на жилистом крепком теле. А после сорока он немного поседел, что придавало его внешности даже некий аристократический шарм. Он даже напоминал мне какого-то американского актера. Иногда было немного жалко его супругу Тамару, как только она терпела все эти годы этого отпетого потаскуна! Но что удивительно, Юра за все годы брака ни разу не спалился, и искренне считал, что легкая интрижка на стороне совсем не помеха тихому семейному счастью, а наоборот, даже немного укрепляет узы брака.

Комаров, как и обещал, заехал ровно в семь утра. Он припарковал машину на асфальтовом пятачке под моим окном. Я сразу одел костюм-горку, а в вещмешок на всякий случай бросил свитер. Май в этом году выдался довольно прохладным.

Ингу я будить не хотел, но она все же сама проснулась и вышла меня проводить.

– Сергей, как отпускаю тебя с Комаровым – всегда почему-то предчувствие нехорошее! Я взял походный вещмешок и чмокнул супругу в щеку:

– Завтра к двенадцати буду как штык.

Инга кивнула и вздохнув, направилась обратно в спальню. А я вышел в подъезд, захлопнул двери и быстро спустился вниз.

– Серега, ты на Северный полюс собрался? – улыбнулся Юрка.

Он стоял возле машины в футболке и спортивных брюках. Юра вообще никогда не парился по поводу погоды, и даже зимой, в двадцатиградусный мороз, мог запросто отправиться в магазин в легкой ветровке.

– Юрка, ты же меня знаешь. Я лучше лишний раз попарюсь, чем буду зубами стучать от холода.

– Ладно. Давай садись.

Юра оказался в машине не один. На заднем сидении скучал его двоюродный брат Костя, офисный увалень тридцати трех лет отроду.

– О, какие люди! – улыбнулся я. – Теперь мы точно всю работу за пару часов сделаем..

Комаров завел двигатель и «Нива» плавно выехала со двора на проспект. Автомобиль быстро промчался по городу и вскоре свернул на выездную дорогу.

Я покосился на Костю. Он, как всегда, уткнулся носом в свой смартфон. Все же удивительно. Между нами всего двенадцать лет разницы, а такое ощущение – будто пролегла целая эпоха. Эти молодые ребятки точно свою жизнь проживают в интернете, целыми днями уткнувшись в электронные игрушки. Даже не понимаю, как он еще сумел себе жену отыскать. Хотя, на самом деле, это Юркина мама, тетя Таня, познакомила балбеса Костика с дочерью своей давней подруги. Юрка однажды рассказал эту забавную историю. Да... пожалуй, если так и дальше пойдет, человечество и вправду начнет деградировать и постепенно вырождаться...

Мы пересекли мост через Волгу. Автомобиль свернул с асфальта и дальше поплелся по грунтовке. Я заметил, что лесные притоки и ерики в этом году довольно хорошо затопило водой. Неужели балбесы из Министерства Природоохраны все же решились обводнить пойму, после нескольких лет засухи? Наверняка опять из Москвы дали волшебного пенделя и местные чинуши, наконец-то, зашевелились...

Через полчаса, спустившись с небольшого холма, мы подъехали к деревне. В последний раз я был здесь лет двадцать назад, и сразу поразился, что больше половины домов оказались заколочены, а во дворах колосился бурьян почти в человеческий рост.

Я вздохнул:

– Не понимаю, почему горожане не покупают здесь домики под дачи. Наверняка же участки копейки стоят!

– Серега, а кого сейчас заставишь в земле возится? – пожал плечами Юрка. – Молодежь, например, лучше овощи в супермаркете купит. Правда, Костя?

– Почему молодежь? – насупился попутчик. – Можно подумать, вы большие любители в грядочках покопаться... Так же все и покупаете в магазинах...

Тетя Валя уже поджидала нас возле калитки. За прошедшие годы она сильно похудела, осунулась, да и что говорить, если нам с Юркой по сорок пять – ей уже далеко за семьдесят. Я слышал, что сын тети Вали, Леха-Рыжеус, как мы звали его в детстве, беспробудно пил горькую после армии, ему довелось побывать в горниле Чеченской войны. Однажды в пьяном угаре Леха разбил лицо местному участковому. Четыре года тетя Валя возила сыну в колонию передачи. Когда Леха освободился, он все же взялся за ум, женился и вскоре уехал с супругой в Питер. Сейчас даже заседает в Городской Думе... Как говорится, чудны дела твои Господи..

Юрка обнял тетку и чмокнув в щеку, кивнул на меня:

– Теть Валь, узнаешь этого хмыря?

– Постой... так это же Сережа Колчин... вот на улице прошла бы и ни за что не узнала...

Вслед за мной из машины вылез Костя.

– А вот Костюша наш совсем не меняется. Что в пятнадцать был увальнем – что сейчас... – весело рассмеялась старушка.

– Ладно, пойдем, тетя Валь, объем работы посмотрим, – улыбнулся Юра. – А то мы вечером еще на рыбалку хотели рвануть...

– Так покушать надо с дорожки... Я там блинчиков напекла.

– Конечно, пока блинчики горячие, – довольно ощерился Костя.

– Лучше после работы, – покачал я головой, – а то тяжело будет по крыше лазить...

Работы оказалось немного. Стропила и обрешетка на летней кухне оказались довольно крепкими и не требовали замены, а снять старый шифер и постелить новый – было плевым делом. За три часа мы уже управились.

Проглот Костя, наконец, добрался до блинчиков с ливером, а мы с Юркой больше налегли на борщ.

– Как там Алексей? – поинтересовался я.

– Работает... – пожала плечами тетя Валя. – Денежки вот присылает, жаль только, что приезжают они очень редко... в прошлом году так и не выбрались... Хотя и в Эмираты летали, и в Турцию... Мне соседка говорит, что же вы по компьютеру не общаетесь... а у меня отродясь и не было этого компьютера... да и не нужен он мне вовсе на старости лет. Хоть вы, ребяташки, приезжайте. С женами, с детьми...

Мне по-человечески было жаль старушку. Ее муж утонул по пьяному делу в пруду, когда Лешка только перешел во второй класс. Замуж тетя Валя так больше и не вышла. Сама тянула сына, ждала из армии, из зоны... возила в колонию тяжелые баулы с передачками, а Лешенька теперь в родную деревушку к мамке и нос не кажет... деньжатами откупается, засранец...

– Мужики, на рыбалку-то поедем? – спросил Костя.

– Ты в магазин дуй, – скомандовал Юра. – Возьми три пузыря водки, а мы пока снасти приготовим.

– Не надо куда ходить, ребятки, – улыбнулась тетя Валя. – Я у соседки самогонки взяла. Они с мужем специальный аппарат купили и на продажу производят. К ним даже из ближайших хуторов мужики ездят, говорят божественный напиток, лучше виски...

Через час мы спустились на машине к реке и остановились под раскидистой ивушкой. Юрка показал на невысокий обрыв на излучине:

– Помнишь, Серега, каких раньше здесь окуней ловили?

– Конечно помню. А может, лучше на озеро Тихое съездим?

Юрка покачал головой:

– Высохло озеро. Лет десять назад воду в пойму почти не сбрасывали и все мелкие озера посохли...

– Вот дебилы... – проворчал я, доставая свернутую палатку из багажника.

Юрка быстро расчистил место на полянке от старых сучков. Пока мы устанавливали палатку, Костик осмотрелся вокруг, сделал несколько фотоснимков и присев на пенечке, опять уткнулся в смартфон.

– Костя, удочки разматывай! – командирским голосом прикрикнул Юра. – Здесь хоть малость отдохни от своего интернета!

Парень вздохнул, положил дорогую игрушку в карман и поплелся к машине за снастями.

Чистый лесной воздух все же немного опьянял после городских загазованных улиц. Далеко в рощице пел соловей, а над полянкой низко летали огненно-рыжие бабочки.

Вскоре мы уже сидели с удочками на обрыве реки. К моему удивлению, первого и довольно крупного окунька поймал Костик и с гордым видом бросил его в садок.

Юрка довольно ухмыльнулся:

– Мужики, а ведь правда, здорово на природе? Чистый воздух. Река. Лес. Что еще человеку нужно для счастья?

– Денег побольше, – серьезно ответил Костя.

– Нет, – покачал головой Юрка. – Счастье – это когда у человека душевное равновесие и гармония внутри. Когда в семье все хорошо... – он осекся и посмотрел на Костика. – В общем – полный баланс с окружающим миром.

– Однако, например, Абрамовичу с его миллиардами по любому жить интереснее, чем нам.

– Ничего подобного. Представь, Костя, какие у олигархов головняки каждый день. Как правильно бабло пристроить и не потерять... А в Англии, например, наших олигархов вообще сейчас стали щемить все, кому не лень...

– Да у нас в России олигархов больше чем в Англии, Франции и Германии вместе взятых, – усмехнулся Костя. – И пока никто еще головняками не страдает. Бабло крутит этим миром. А нет бабла – и ты, считай, лузер по жизни.

– Думаю, мужики, что-то мы рано завели беседы на философские темы, – покачал я головой. – Даже еще по рюмочке не накатили.

– Костя, как младший по возрасту – сгоняй в машину за пузырем, – приказал Юрка.

Как только Костик ушел, приятель тихо сказал:

– Жена Константина бросила неделю назад. Забрала сына и уехала в Краснодар с любовником. Я его и взял-то, чтобы парень малость развеялся...

– Даже не знал... Всегда считал их такой счастливой парой... И Танюха девка такая интересная... все время шутит, прикалывается...

– Двуличная особа. Это я еще давно понял. Жила с Костей, а в интернете себе мужичка побогаче выгадывала... Этот «Перец», с кем она уехала, даже старше нас, ему уже за полтинник. А ей всего двадцать семь. Бориску только мелкого жалко, вместо отца теперь будет жить со старым пердуном.

– Подожди. Нужно же судится. Еще неизвестно с кем ребенок останется, с отцом или матерью.

– Все уже известно. В суде половина таких же судей-разведенков сидит, да и законы у нас в государстве больше на стороне матери. Тем более тот «Перец» намекнул, что у него везде нехилые связи...

– Я как посмотрю, Костик не сильно и расстроился.

– Дурачок он. Семья это святое. Но если баба шалавой и дурой оказалась, тут уже ничего не исправишь. Но за сына, конечно, нужно бороться до конца... Я еще подумаю, как братану помочь.

Юра кивнул и тут же подсек небольшого карасика.

Удивительно все же на природе! Будто даже мысли становятся чище. А мы ведь выбрались с семьей в пойму, наверное, лет шесть назад... Точно, когда Олечка школу закончила...

Костя принес из сумки-холодильника еще запотевший пузырь, стопки и пластиковый контейнер с салатом. Пить он наотрез отказался, и чтобы мы не приставали, схватил удочку и спустился метров на пятьдесят вниз по течению.

После третьей рюмки Юркины глаза заблестели, а взгляд стал загадочным и маслянистым:

– Кстати, насчет баб. Я тут одну историю вспомнил... Лет пятнадцать назад, когда я еще был капитаном и батареей командовал, служила у нас в Узле Связи лейтенант Марина Кольцова. Мелкая такая, но очень симпатная. Бойцы ее «Шакирой» прозвали, как певицу. Стал я к этой Марине тогда в общагу похаживать.

– Ты ведь уже женат был?

– Серый, не зли меня, – ухмыльнулся Юра. – Эта Шакира в постели такие пируэты крутила, веришь, нет, но «шляпа» всю ночь дымилась... Я даже один раз за нее морду набил майору Рогову... даже до комбрига дошло. Полковник орал так, что штукатурка с потолка сыпалась, обещал даже перевести меня куда-нибудь подальше... Но через неделю у меня выдался отпуск, и мы с супругой рванули в Крым на три недели. Я думал, как раз все успокоится и страсти малость улягутся... А когда домой вернулись, звоню Шакире – она телефон не берет. Я рванул к мужикам в воинскую часть и узнаю – перевели Маринку в Ростов... Комбриг, сука, подсуетился. Я тем вечером даже нажрался от такой печальной новости.

– Ну ты же не собирался бросать жену и жениться на этой Шакире. Потому она наверняка искала себе другую судьбу и согласилась на перевод.

– Серега, не строй из себя святошу. Ты дальше слушай. Прошло двенадцать лет, и за год до моей пенсии вызывает комбриг всех командиров дивизионов и с кислой «миной» сообщает, что послезавтра приезжает серьезная проверка из штаба СКВО. Если что не так – погоны полетят. Мы ночами не спим, лопатим документацию, бойцы наводят порядок на территории и в расположении... Через два дня утром приезжает комиссия. Мы встречаем их на центральном КПП... и ты даже не поверишь кто у них главный. Наша Шакирочка. Подполковник Орлова.

– Да ну... Как такое возможно?

– Охомутала Маринка в Ростове одного серьезного генерала, который в друзьях с самим Сергеем Кужугетовичем. Замуж удачно вышла. В общем, ее карьера сразу резко вверх поперла. Три года назад она была еще подполковником, но думаю, с ее талантами скоро и генеральские звездочки отхватит... Вот такая история. Девка буквально проложила себе карьеру грудью и своим сладким местом.

– Ты на нее случайно в тот раз не залез?

– Дурак что ли?! Она такая важная стала, на хромой козе не подъедешь. На меня только презрительно посмотрела и мимо прошла... а вот фигурка даже не изменилась за двенадцать лет. Стала даже более сексуальная...

Когда мы допили пузырь, Юрка хитро улыбнулся:

– Я вот чего подумал, братишка. Давай-ка сгоняем в Антиповку. Была у меня там лет двадцать назад, еще до женитьбы, одна симпатичная разведеночка, Катеринка. Безотказная, как автомат Калашникова. Все хотел проведать, да время не находил. Тут и ехать-то всего десять километров по полям.

– Да мы же выпили.

– Так Костя не пил. Он и свозит нас.

– Юрка, двадцать лет уже прошло. Что ты ей скажешь?

– Да просто повидаемся. Я ее пару месяцев назад в соцсетях искал, но так нигде и не нашел.

– А... вспомнил я эту Катю. Ты же тогда еще жениться хотел, а потом резко передумал.

– Меня как раз в Знаменск перевели... Катюха, конечно, первое время писала, звонила... а вскоре я Томку встретил, и любовь пронзила стрелой мое большое доброе сердце, а через полгодика мы с Томкой уже поперлись в ЗАГС, заявление подавать..

– Ты мне только не звезды! Тома уже беременная была. На шестом месяце. И маманя тебе тогда уши накрутила, чтобы женился и прекратил по бабам бегать...

– Ладно. Так мы сгоняем?

– А когда вернемся – здесь ни палатки, ни вещей не будет...

Юра задумался:

– Пожалуй... тогда лучше оставим Костика. Сам поведу машину, знаешь, я вполне нормально себя чувствую, будто и не пил. Да и «гайцов» в полях точно нет...

– Поехали. Только туда и обратно. Без всяких приключений.

Юрка кивнул, подошел к брату и что-то быстро объяснил ему на повышенных тонах.

«Нет, пожалуй, военный – это не профессия. Это половая ориентация...» – вспомнилась мне забавная фраза их армейской комедии.

Может все же отговорить Юрку? А то он выпил и ему, видно, шлея под хвост попала... старую любовь вспомнил... Да нет, этого чертяку в жизни не переспоришь, особенно когда он под шафе.

– Я Костика озадачил, – ухмыльнулся Юра, когда мы направились к машине. – Он к нашему возвращению уши сварит. А мы по быстренькому смотаемся туда и обратно...

– Только не гони сильно, – нахмурился я, и подумал, что и в пятнадцать, и в тридцать, и в пятьдесят – мы, по сути, остаемся все теми же пацанами...

Глава 2

Пока мы ехали по полю, я вспоминал, как много лет назад брат Витя катал меня здесь на мотоцикле. Он как раз закончил школу, и отец, как и обещал, купил брату новенький красный «Минск». Мне тогда было всего девять, и хотя Витя никогда сильно не разгонялся, порой казалось, что мы мчимся по грунтовой дороге вдоль колхозных полей с огромной скоростью. Я сидел сзади и крепко цеплялся за Витькину спину. Даже не знаю, почему брат так далеко отъезжал от города. Наверняка ему нравилось здесь: бескрайние поля, перелески, ерики... Однажды Витя признался, что предпочел бы лучше жить в маленькой деревушке или лучше на небольшом островке, затерянном в безбрежном океане. А города... они делают людей злыми и завистливыми... И чем больше город – тем жестче люди. Я тогда так и не понял, что он хотел сказать, да и честно говоря, мы с братом мало общались. Вите было со мной попросту неинтересно, все-таки разница в возрасте – восемь лет. Он уже без пяти минут студент педагогического института, а я еще сопливый октябренок, научившийся не так давно слаживать буквы в слова...

Я вздрогнул, когда мы поднялись на высокую плотину. И тут же попытался отогнать давние воспоминания. Дорога здесь оказалась неровная, а по обе стороны, в низине, еще стояла вода после половодья. Юрка, как и обещал, ехал медленно, внимательно поглядывая вперед.

– Как там Олечка? Слышал, Серега, ты скоро дедом станешь...

– Ну ничего от вас не утаишь, – усмехнулся я.

– Представляешь, Сергей, ты – и уже дед. Наверняка это накладывает на человека определенную ответственность.

– Наверное... – невозмутимо пожал я плечами.

– Как у тебя отношения с зятем?

– Да мы и видимся редко. Олег на фуре работает, все время в разъездах... Парень он вроде нормальный, работающий...

– А у моей старшей дочери муженек полгода назад стал фортеля выкидывать. То с друзьями допоздна засидится... а то и вовсе домой не придет ночевать. Однажды даже руки начал распускать... Ирка мне, конечно, ни слова, а мамке пожаловалась... Я на следующий день зятюлька вечером подловил у проходной завода, и напрямую сказал – или живите или расходитесь, нечего девке голову морочить. Он стал умничать, высокую философию разводить, а я ему прямо в лоб и заявил: «Еще раз, сученыш, руку на дочь поднимешь – тогда я за себя не ручаюсь...»

Юрка потряс внушительным кулаком.

– С тех пор малость успокоился, как в гости придут, улыбается, стелется как травка... но я за ним еще прослежу и если что не так...

Машина неожиданно подскочила на высокой колдобине и Юра резко выкрутил руль. «Нива» тут же нырнула вниз по откосу.

– Держись! – заорал я.

Юрка и сам сильно перепугался, но уже ничего не мог сделать. Машина съехала с плотины и тут же по уши увязла в черной жиже, почти на всю высоту колес.

– Вот же незадача! – пробурчал приятель.

– Говорил же, на дорогу лучше смотри!

Я осторожно приоткрыл двери, и грязная вода тут же ручейком хлынула в салон. Быстро захлопнув дверцу, я задумался: похоже мы серьезно вляпались... Сами уже точно не сможем выбраться из этой чертовой трясины, хоть «Нива» и считается российским внедорожником.

Мы засучили штанины и приоткрыв двери, вылезли из вязкой низины наверх.

Юрка посмотрел на своего железного коня и печально вздохнул.

– Что делать-то будем, товарищ подполковник? – улыбнулся я.

– До села всего пару километров осталось. Пойдем, Серега, наверняка там у кого-нибудь трактор имеется.

– Знаешь, Юрок, я вот только одного не пойму. Как ты вообще раньше дивизионом командовал? Ты же настоящий раздолбай!

– Да ладно тебе... успокойся! С кем не бывает...

Юрка насутился и немного прибавил шаг.

Мы быстро прошли плотину и вскоре оказались у небольшой дубовой рощицы. За деревьями, на пригорке, уже виднелись деревенские домики. Возле высоких зеленых ворот стоял старенький синий «Белорус».

– Ну что я тебе говорил? – улыбнулся Юрка. – Вытащим сейчас нашего железного коня...

Но не успели мы подойти к калитке, как за деревянным частоколом отчаянно загавкала здоровенная псина.

– Хозяева! – заорал Юра, не решаясь войти во двор.

Из домика вышел невысокий старик, седой как лунь.

Пес, как по команде, сразу прекратил брехать и спрятался в будке. Хозяин неторопливо подошел и осторожно приоткрыл калитку.

Деду наверняка было под восемьдесят, но он казался довольно крепким, даже мускулистым, этакий деревенский любитель ЗОЖа.

– Отец, выручай... – улыбнулся Юрка. – Мы на машине с плотины слетели. «Нива» застряла в трясины, совсем залегла.

– Вы откуда? – удивился старик.

– Из города приехали порыбачить.

– Трактор уже второй год на ремонте.

– Вот засада! А у кого здесь есть техника посерьезней?

– Ни у кого. В селе одни старики остались. Но ко мне через часок сын приедет на «Газоне». Если хотите – вытащит вашу «Ниву». Где вы вообще застряли?

– Да совсем недалеко. Километра два отсюда.

– Можете пока возвращаться. Как Петр подъедет – я его сразу к вам отправлю.

Юра осторожно спросил:

– Слушай, отец, в вашей деревушке двадцать лет назад жила Катерина Фролова. Она сейчас дома?

– Катерина давно уехала, – слегка побледнел старик. – А откуда ты ее знаешь?

– Да... знакомы были... как-то заезжал в гости...

– Она моя племянница. К ней и правда лет двадцать назад ездил лейтенант-артиллерист. Так это ты был?

– Может и я...

– Как только ты ее бросил, дружок, Катя вскоре сына родила. А когда ему пять исполнилось – уехали они из хутора. В Краснодар подались. Катерина решила – нечего в этой глуши торчать...

– Сына родила... – удивленно пробормотал Юрка.

– Видать шалопутный ты, паря... – усмехнулся старик. – Обрюхатил девку и свалил...

– Слушай, отец, только не надо меня жизни учить, – резко ответил Юра. – Я не салабон двадцатилетний. И потом... чего же она молчала... могла бы сказать, что беременна. Я, может, чем помог...

– Чем бы ты помог, шалопутный? Уговорил бы аборт сделать? – нахмурился старик.

– Пойдем, Серега... – пробурчал Юрка. – Знаешь, дед, не нужно нам вашей помощи. Сами машину вытащим.

– Ну-ну... – ехидно усмехнулся вслед старичок.

Мы развернулись и зашагали назад, к месту нашего дорожно-транспортного происшествия. Из угловой избы вышла маленькая сутулая старушка и застыв, пристально посмотрела нам вслед.

Когда мы отошли от деревушки на довольно почтительное расстояние, Юра пробормотал:

– Сейчас Степану Домрачеву позвоню. Приедет и выдернет машину.

Он достал из кармана сотовый телефон и тут же удивленно покачал головой:

– Что за хрень! Вечером только телефон заряжал – и уже аккумулятор сел!

– А мой вообще в кармашке вещмешка остался.

– Надо же... от города всего тридцать пять километров отъехали. А глухомань такая – даже машин нет.

– И до палатки с телефоном идти еще десять километров.

– Не меньше... – недовольно пробурчал Юра.

Я внимательно посмотрел на друга:

– Комар, я смотрю – а ты будто совсем не рад. У тебя, оказывается, сынок есть.

– Да ну... гонит все старый. Даже если и залетела Катеринка – то точно не от меня.

– А почему не от тебя? Юрка, сам подумай, у тебя же две дочери, а тут, выясняется – где-то в Краснодаре сынок живет. Сын.

Юра нахмурился, на его переносице легла глубокая складка. Он покачал головой и тихо пробормотал:

– Если даже так... значит ему сейчас девятнадцать... – Юра вздохнул. – Да нет, не верю я старику. Зря мы вообще в эту деревню поперлись...

Когда мы вернулись к полузатонувшей «Ниве», Юрка предложил:

– Раз такое дело – сядем у дороги и будем ждать проезжающий транспорт. Что-то мне не хочется до палатки пешком топать.

Мы уселись на травке недалеко от дороги. И тут на меня неожиданно нахлынули давние воспоминания.

– Юрка, а помнишь как на следующий день после выпускного мы поперлись в поход. Все девчонки из класса отказались, а мы затарились в ларьке под завязку – и в путь. Но далеко так и не смогли уйти, даже до речки не добрались...

– Помню... – рассмеялся Юра. – Все были с жесткого будунища. Сели на поляне у первой рощицы и стали похмеляться. А через пару часов приехал дядя Коля с физруком Бармалеем на автобусе и всех развезли по домам.

– Да... Димка Синицын тогда весь салон автобуса облевал...

– А ты бузил, пока мы тебя на третий этаж тащили...

– Это кто еще кого тащил...

– Слушай, Колчан. Только не подумай, что у меня крышу сорвало. А вот если бы тебе предложили, скажем, прожить жизнь по-новому. Ну... не совсем с рождения, а скажем, лет с двенадцати? Согласись, ведь многих ошибок в жизни можно было бы избежать.

– Скорее всего да... Хотя, наверное, я бы не стал ничего менять. Конечно, знал бы где упасть – соломку подстелил... Вот только одно точно хотелось бы исправить...

– Знаю,– кивнул приятель.– Ты мне много раз об этом говорил. Еще в школе. Так и не нашли за это время кто это сделал? Кто убил Виктора и Лену?

– Нет... Была информация, что Витька перешел дорогу кому-то важному... И все. Следы оборвались.

– Сколько времени уже прошло?

– Тридцать три года. Но знаешь, Юрка... время, если честно, не очень лечит раны. Брат мне даже снится порой. Я будто вижу перед собой его смеющиеся глаза и звонкий смех... Витьке тогда двадцать лет всего было...

Юра печально вздохнул:

– Знаешь, Серега... а я бы хотел, чтобы мой батя тогда, в 1991 году, не совершил это проклятое ДТП и не попал на зону. Все наверняка бы по другому повернулось...

Юркин отец, дядя Толя, высокий и крепкий мужик, работал водителем на грузовике в «Мостострое». В октябре 1991 года он случайно наехал на пешехода, выскочившего из-под автобуса на красный свет. Дядя Толя нажал на тормоз, но самосвал оказался под завязку гружен щебнем, к тому же стояла сырая дождливая погода и тормозной путь оказался длиннее... грузовик подмял пешехода и передавил ему ноги. Сначала дядю Толю хотели оправдать, но на суде все же дали три года. Пострадавший долгое время лечился, оставшись на всю жизнь с небольшой хромотой. А Дядя Толя отбывал заключение в колонии под Иркутском. За два месяца до окончания срока его насмерть придавило деревом на лесоповале.

– Отец наверняка сейчас был живой, ему бы только шестьдесят восемь исполнилось...– вздохнул Юра.

Мы услышали со стороны деревни шум приближающегося грузовика и одновременно обернулись. К нам подъезжал «Газ-66» с зеленой будкой.

– Смотри, Серега, вот и наш спаситель...

Газон остановился, из него выглянул мордастый мужик в черной бейсболке:

– Ну что, туристы, застряли? Меня батя к вам на помощь отправил...

– Подсоби, браток...– кивнул Юра.

Водитель залез в будку, отыскал в рундуке длинный трос и кивнул:

– Цепляйся...

Когда «Ниву» вытащили, Юрка обрадовался и протянул водителю «штуку», но тот наотрез отказался.

– Как тебя зовут-то спаситель?

– Петр.

– Ты вот что, Петро... батю бери и приезжайте к нам вечерком. Мы на излучине стоим.

Сразу увидите...

Мужик кивнул, сел в кабину и укатил назад в деревню.

– Видал, Колчан, свет, оказывается, не без добрых людей...

Юра открыл капот и внимательно осмотрел движок.

– Ну что, все в порядке?– усмехнулся я.

– Да. Возвращаемся на место постоянной дислокации.

У меня предательски заурчало в животе.

– Если Костя до сих пор уху не приготовил – я его лично кастрирую!

Назад Юра ехал еще медленней, даже молчал всю дорогу, наверняка боялся снова соскочить с плотины. Только когда мы спустились и дорога начала петлять по ровному полю, он облегчено вздохнул.

Когда подъехали, Костя уже доваривал уху в походном котелке.

– Вы чего так долго, мужики? Скоро начнет смеркаться. Я уже начал волноваться.

– Ты лучше не волнуйся, а сгоняй к тете Вале,– Юрка протянул деньги,– пусть у соседки еще возьмет два пузыря. Как считаете, Сергей Александрович, хватит нам на вечер литрушечки?

– Вполне.

Я размешал черпаком уху, не понимая, зачем этот придурок Костя набузовал столько пшена...

Когда гонец умчался, в лесу стало быстро смеркаться. Юрка доварил уху, и мы, как замороженные, встали на обрыве у реки. Ветер совсем утих и в лесу стояла невероятная сказочная тишина. Рыба на закате так и плескалась в темной воде, и я побросал в реку оставшихся червяков и приманку.

– В следующий раз обязательно жен возьмем,– тихо сказал Юра.

На дороге показался знакомый «Газон». Автомобиль свернул с дороги и остановился в двадцати шагах от палатки. Из кабины медленно вылез старик и его сын Петр.

– Неплохо устроились, ребяташки,– улыбнулся дед.

Юра вышел навстречу и подвел гостей к костру:

– Присаживайтесь. Сейчас ушицу разолью. Только вот... за горячим товарища послали в Россошки, а его до сих пор нет.

Старик усмехнулся и посмотрел на сына. Тот кивнул и сбегав в машину, принес литровую бутылку мутного самогона.

– Отец, ты извини, мы так и не познакомились...– улыбнулся Юра, разливая гостям уху по тарелкам.

– Можете называть меня дядя Арсений.

– Меня Юрий зовут. Я военный пенсионер. А это мой лучший друг Сергей, специалист-строитель широкого профиля.

Приятель взял бутылку и внимательно посмотрел на гостей.

– Мужики, я ушицу похлебаю, а пить не буду,– пробубнил Петр.– Мне еще в город на автобазу сегодня возвращаться...

– А я, пожалуй, рюмочку пропущу за знакомство,– улыбнулся дед.

Я поразился, обратив внимание на его здоровые крепкие зубы.

Когда мы выпили, дядя Арсений внимательно посмотрел на Юрку:

– Ты не подумай, парень. Я вовсе не виню тебя за историю с Катериной. Каждый человек поступает так, как сам считает нужным...

Юра заелозил, видно не ожидал, что старик опять вернется к теме о племяннице.

– А ты давно здесь живешь, дядя Арсений? – поинтересовался я.

– Лет тридцать. Как с Севера переехали – в этом хуторке и основались. Тут и родня наша вся раньше жила. Вскоре, после переезда, и Петька родился... А супруга моя, Мария Ильинична, два года назад отдала Богу душу. Царство ей небесное...

– А у меня тетка в Россошках живет. Валентина Сергеевна Шмакова. Может слышали? – спросил Юрка.

– Как же не слышали...– пожал плечами старик.– Моя супруга у нее на ферме, почитай, пятнадцать годков отработала дояркой. Я ее в четыре утра каждый день на «Москвичонке» возил на дойку... Наслышан, какая тетка у тебя вредная... Сынок у нее еще в тюрьму сел после армии...

Старик взял ложку и зачерпнул ухи из железной миски.

– Сын тети Вали сейчас в Питере. Стал депутатом Городской Думы.

– А там и сидят сейчас бывшие уголовники, спортсмены да артисты...– улыбнулся дядя Арсений.– В Советское время таких деятелей туда бы за версту не пустили.

– Вон и наш гонец возвращается,– кивнул Юра.

«Нива» остановилась у обрыва. Костя вылез из машины немного растерянный, видно не ожидал увидеть гостей. Он вежливо поздоровался и протянул Юрке черный пакет:

– Тетя Валя передала сало, огурцы, хлеб и два пузыря.

– А чего так долго ездил? – насупился Юрка. – Дорогу, что ли, забыл?

– Татьяна звонила... – растерялся Костик. – Интересовалась, как у меня дела...

Юра быстро налил пол кружки самогона и протянул брату:

– Пей. Это тебе штрафная.

– Да вы что, мужики... – растерялся Костя.

– Пей, давай, – грозно пробурчал Юрка. – Не позорься перед нашими гостями.

Костик резко выдохнул и опрокинув кружку, все же выпил до дна огненной воды. Его глаза сразу заволокло пеленой, и он немного запоздало откусил сразу пол огурца.

– Вот то-то же... а то менжуешься как целочка... – улыбнулся довольный Юрка.

– Ты, парень, шибко не переживай за супругу, – улыбнулся дядя Арсений и слегка похлопал Костика по плечу. – Вернется через неделю твоя благоверная.

Мы с Юркой переглянулись. А у Кости от удивления даже челюсть слегка опустилась.

– А ты откуда знаешь, дядя Арсений? – спросил ошарашенный Юра.

– А я, сынки, много чего знаю, – усмехнулся старик. – Стоит мне только на человека посмотреть... Сразу все про него ведаю.

– Подожди, так ты, дядя Арсений, вроде экстрасенса? – насторожился я. – Ну а что про меня можешь рассказать?

– Скажу одно. Человек ты путевый. Правильный. Но только терзаешься всю жизнь одной мыслью, жалеешь об упущенном...

– Все верно... – удивленно пробормотал я.

– Жизнь, конечно, не отмотаешь как магнитофонную ленту... хотя... – у старика неожиданно заблестели глаза.

– А про меня чего знаешь? – тихо спросил Юра.

– Ты, парень, тоже хочешь переписать жизнь. Вернуть отца... Ты же еще в школе учился, когда повела его нелегкая в холодный северный край... откуда он уже не вернулся...

Юрка удивленно покачал головой.

Гости неторопливо доели уху и дядя Арсений вздохнул:

– Ладно... поедим мы...

– Подожди, дядя Арсений... Но откуда ты все знаешь? – спросил Юра.

– Ведун я, ребята. А вообще, вижу – хорошие вы люди. Я и приехал с Петром, чтобы поближе познакомиться...

Мы проводили гостей до машины и старик неожиданно сказал на прощание:

– А еще знайте одно, мои хорошие. Человек на самом деле очень сильный. Если он чего-то действительно по-настоящему захочет, то сможет и горы снести, и время вспять повернуть...

Когда старик и его сын уехали, Юрка покачал головой:

– Мутный дед... Вот только одно не пойму – откуда он и вправду все знает?

– Бывают такие люди, вроде ясновидящих... – пожал я плечами.

– Мистика какая-то, да и только... – удивленно пробормотал Костя. – Неужели Татьяна и вправду вернется...

Юрка хлопнул ладонями по коленям:

– Ладно, мужики! Давай, братишка, разливай...

Через час мы сидели у догорающего костра в стельку пьяные, рассуждая о философии и высоких материях.

– Если честно, парни... – пробасил Юра. – Вот как только Советский Союз развалился – сразу все через жопу пошло... Девяностые, приватизация, девальвация, кризисы... война на

Кавказе... Знаю только одно. Это все на Западе наши враги придумали. Разделяй и властвуй, слышали?

– Нет, что не говорите, но плановая экономика, которая была в СССР – это полный отстой и деградация, – покачал головой пьяный Костик. – Люди в Советском Союзе тупели. Боялись лишнее слово сказать, высказать свое мнение, и за всеми следил КГБ...

– Дурак ты, – вмешался я. – Народ до сих пор смотрит советские фильмы и слушает старые песни. Тогда же все было настоящим. И жратва, и одежда, и поступки. Чувствовали себя люди по-другому... стремились к светлым идеалам... А сейчас что? Посмотри вокруг! Везде цинизм, лицемерие и погоня за баблом...

– Зато сейчас человек может сам всего добиться. Своим талантом.

– Ну и чего ты добился, деятель? Сидишь в офисе за тридцатку в месяц, и едешь на «Рено», которую взял в кредит...

– Сергей, не тупи. Мне родители рассказывали, что в восьмидесятые годы даже в магазинах почти ничего не было. За цветными телевизорами очередь по полгода... А на полках в продуктовых только морская капуста и консервы. Сахар и масло даже по талонам выдавали...

– А сейчас что? Пальмовое масло и ГМО? Ты хоть мороженое когда-нибудь настоящее ел?

– Конечно ел.

– Настоящее советское эскимо, – вмешался в спор Юрка. – А не это говно, которое сейчас делают и продают.

– Я... – Костя медленно привстал и чуть не упал на затухающий костер. – Все мужики... я спать...

Он, покачиваясь, на автопилоте направился к палатке.

– Ладно, Серега... заливаем костер и тоже баиньки... – пробурчал Юрка, схватив ведро и спустился к реке.

Я дождался, пока приятель зальет еще горячие угли, но пока не торопился в палатку, наслаждаясь ночными звуками природы в лесу.

Когда Юра ушел спать, я сидел и смотрел на темную речку. Слушал треск кузнечиков в лугах и думал о вечном. О том, что нашей Земле многие миллионы лет, и человеческая жизнь по сравнению с ней – это всего лишь короткая вспышка. Еще я думал о великой империи Советский Союз, стране, которой сейчас нет ни на одной карте Мира. И хотя мне было всего шестнадцать, когда Союз распался, но я все отлично помнил. Как люди стремились построить справедливое общество на одной шестой части Земли, как боролись с происками капиталистов и верили в добрые и светлые идеалы... А еще я думал о том, что если бы отмотать прошедшие годы, можно было действительно избежать много трагических событий... В конце концов в моей голове все перемешалось: вечно недовольный начальник Виктор Степанович, супруга Инга, смеющийся Юрка, инфантильный Костя, странный старик Арсений и его сын Петр... вскоре я вырубился прямо на вещмешке у затухшего костра...

Снилась мне почему-то торжественная линейка возле школы на 19 мая. Старшая пионервожатая Ира Стародубцева повязала мне на шею алый пионерский галстук и резко вскинула ладонь наискосок над головой:

– Будь готов!

Я тоже в ответ вскинул руку и звонко ответил:

– Всегда готов!

Глава 3

Бывает же такое. Пристанет куплет из старой песенки и никак не отвяжется. Но чтобы вот так, еще не проснувшись, песня уже крутилась в моей голове, такого еще никогда не было. Пронзительный звонкий мальчишеский голос обволакивал знакомым из детства мотивом:

Взлета-ая выше ели, не ведая преград,
Крыла-атые качели, летят, летят, летят...

Сразу вспомнился детский фильм «Приключения Электроника», который я смотрел раз десять. Смешное и сентиментальное кино о мальчишке-роботе, который хотел стать человеком и его хитром друге Сереже Сыроежкине. Даже гангстеры на экране были совсем не грозными, а скорее вызвали усмешку. И почему сейчас не снимают такие добрые и светлые фильмы, куда вообще так неожиданно полностью исчезло детское кино? То, что сейчас смотрят современные дети, просто лютая дичь...

Я чувствовал, что уже давно наступило утро. Солнечные яркие лучи обжигали сомкнутые веки, а птицы в лесу горланили, как большой симфонический оркестр. Но глаза открывать пока совсем не хотелось, особенно вспоминая количество выпитого накануне спиртного. Вдруг кто-то подкрался и зверски окатил меня в лицо холодной водой.

Резко подскочив, я увидел перед собой наглуую круглую физиономию Лехи Шмакова, сына тети Вали. Мальчишка улыбался, сжимая в руках пустой ковшик.

– Хорош дрыхнуть, Колчан. И на хрена только я вчера вас пивком угостил?

Довольно прикольный сон. И почему, интересно, мне вдруг приснился Леха?

– Пора в хутор выдвигаться. Дядя Толя обещал за вами к одиннадцати приехать. А сейчас уже почти десять.

Осторожно приподнявшись, я медленно спустился к реке и умылся. Сильно потер глаза и даже ущипнул себя за руку. Сон все никак не пропадал.

– Вот гад... – недовольно проворчал Леха.

Он быстро спустился с ведром к воде.

– Этот урод никак вставать не хочет! А еще говорил, что мечтает военным стать...

Парнишка зачерпнул пол ведра воды и направился назад к палатке.

Я с удивлением осмотрел незнакомые шмотки на себе: синее спортивное трико, зеленую рубашку со слегка надорванным карманом, и вдруг заметил, что мои руки стали меньше, да и сам я будто стал другим. Маленьким. Что это за хрень происходит?

– Все-все, встаю! – раздался тонкий возглас из палатки. Из нее вышел заспанный худощавый пацан, в котором я сразу узнал Юрку Комарова в нежном подростковом возрасте. Юра ошарашенно огляделся и увидев меня, подошел ближе:

– Серега... я что-то не пойму. Что происходит?

– Я сам пока не пойму. Что мы пили-то вчера?

– Да вроде самогон. Может просто... мы еще спим...

– Не похоже...

– Слушай... – Юра удивленно покачал головой. – Да ты только посмотри. Мы же опять салабонами стали!

– Какого хрена вы там расселись?! – звонко прикрикнул Леха. – Погнали в хутор!

– Ты езжай! – кивнул я, заметив у дерева за палаткой три велосипеда. – Мы скоро догоним!

– Если через пол часа не явитесь, потом обоим уши накручу! – проворчал Леха. – Палатку пока не убирайте!

Он сел на велосипед и медленно покотился по дорожке в хутор.

– Это же Леха Рыжеус... – удивленно пробормотал приятель.

– Юра, я пару лет назад фильм смотрел. Там ученые проводили научные эксперименты с подсознанием и погружали людей в один и тот же сон. Довольно забавно все происходило...

– Сергей, ущипни-ка меня. Может мы и вправду еще спим? Я что-то не верю, что все это происходит наяву.

Я привстал и сильно ущипнул друга за запястье. Юрка вздрогнул и отступил назад. Он подошел к реке, быстро скинул футболку и шорты, и разогнавшись, вбежал по пояс в воду. Окунувшись несколько раз с головой, Юра вышел на берег, быстро сотрясая плечами, как замерзший суслик.

– Ну и как водичка?

– Холодная, сука... Сергей, а бывает такое, что люди с ума сходят одновременно? Что с нами вообще происходит?

Я пожал плечами:

– Это действительно больше напоминает научный эксперимент с подсознанием. Мы же точно знаем, что время вернуть нельзя. И снова стать подростками тоже невозможно. Это противоречит всем научным законам...

Оглядевшись вокруг, я заметил возле кострища желтую холщовую сумочку. Подошел поближе и осторожно приподнял ее. Внутри оказалось пару вяленых пересушенных краснопорок, бережно завернутых в районную газету «Факел». Я посмотрел на дату и тут же показал Юрке: «19.05. 1987»

– Твою мать... – выдохнул приятель. – Но газета может быть старая. Нужно догнать Леху и точно узнать, какой сегодня день.

– Ага... догонишь его. Он уже наверняка возле хутора.

– Так нам что, опять по двенадцать?

– Получается так...

Юра медленно присел на травке и покачал головой:

– Знаешь, Серега... в жизни никогда не верил в магию, колдунов, мистику... но вчерашний дед мне почему-то сразу не понравился... От него будто какая-то могучая сила исходила. Наверняка это он все и подстроил.

– Возможно. Непростой дед. А может... он действительно обладает магической силой и дал нам шанс прожить жизни по новому. Помнишь, мы вчера только об этом говорили, когда возле дороги машину ждали...

Юрка задумчиво почесал затылок:

– У меня это голове никак не укладывается...

– Ладно, поехали. Надеюсь, скоро все прояснится...

Мы сели на велосипеды и рванули к деревушке. Ехали молча, но я все же заметил, какой удивленно-ошарашенный вид был у Юрки. У меня в голове тоже сейчас все перемешалось. Как такое вообще возможно? Однажды вот так снова проснуться двенадцатилетними пацанами...

Минут через пятнадцать мы оказались на вершине холма. Внизу, как на ладони, простирался небольшой хуторок Россочки. Мы остановились и застыли на месте. Теперь все понятно. Могущественная рука Провидения действительно перенесла нас в прошлое, и об этом говорило многое. Возле кирпичного здания сельсовета, на флагштоке, развивался красный советский флаг. Неподалеку от МТФ, на высоком пьедестале стоял старый колесный трактор из эпохи двадцатых годов. Мы точно помнили, что он находился там до 1993 года, а после его умыкнули и распилили на куски оборзевшие «металлисты». В хуторе не оказалось ни одного заброшенного дома. Во дворах виднелись аккуратные грядки, небольшие пленочные парники, сады с фруктовыми деревьями, а за саманными сараями почти во всех подворьях возвышались сенники и колодцы-журавли. Возле двора тети Вали, под высокой вишней, притаился зеленый «Москвич» дяди Толи, Юркиного отца.

Приятель сразу побледнел и прошептал:

– Батина машина...

– Послушай, Юрка... а ведь мы, похоже, и вправду оказались в прошлом.

– Я... даже не знаю.. но как ... – пролепетал Юра.

Он действительно сильно разволновался, увидев машину отца.

– Ладно, поехали!– скомандовал я и первый припустил по дорожке с пригорка. Возле двора тети Вали мы слезли с велосипедов, и вошли во двор.

Под навесом за столом сидел молодой Юркин отец. Крепкий, широкоплечий, в клетчатой рубашке с коротким рукавом. Он неторопливо хлебал суп.

– Батя...– чуть слышно прошептал Юра. Он едва удержался на ногах и схватился за мое плечо.

Навстречу вышла молодая румяная тетя Валя:

– А вот и мальчишки приехали... Проходите, что застыли возле калитки...

Лохматый черный пес Дружок весело выпрыгнул из будки, и подбежав, облизал Юркины ноги.

Дядя Толя оставил ложку и вполоборота повернулся к нам:

– Ну что, парни, как рыбалка?

– Нормально...– чуть слышно сказал Юра. Он удивленно, не отрывая глаз, смотрел на отца.

– Идите, ребятки, я вам тоже супчику налью...– улыбнулась тетя Валя,– а Ленка уже куда-то ускакал, стервец...

На столике, под окном, стоял большой приемник. Из динамиков доносился задорный голос молодой Аллы Пугачевой. Она пела веселую песенку про волшебника-недоучку.

Мы с Юркой переглянулись и направились к столу.

– Ребятки, а руки кто будет мыть? – удивилась тетя Валя.

Приятель подошел к рукомойнику, а я направился к сараю у колодца, где сейчас наверняка скрывался Леха. Между сарайчиком и саманным курятником он оборудовал небольшую нычку, прикрытую старым шифером, где втихаря от матери иногда покуривал. Я еще не успел подойти ближе, как уже почувствовал запах терпкого табачка.

Точно, там сидит, стервец!

Подкравшись ближе, я резко выскочил и вскрикнул. Леха вылупил глаза, быстро забросил дымящийся бычок в трубу и подпрыгнул как пружина:

– Идиот ты, Колчан! Еще раз так напугаешь – точно в Тишанке утоплю!

– Алексей, друг ты мой сердечный, скажи только одно, какое сегодня число?

– Двадцать второе мая с утра было. Вы что сегодня какие-то чумные?

– Так. А год значит тысяча девятьсот восемьдесят седьмой?

Леха попытался достать из трубы заныканный бычок:

– Вот зараза... только пол сигареты выкурил из-за тебя, дурака...

– Ты лучше завязывай с куревом. И с выпивкой. А когда вырастешь и женишься – про мать не забывай.

– Ну все, Колчан. Хоть ты и лучший друг моего брательника, но на фофан сегодня точно заработал!

Он привстал и подошел вплотную:

– Давай, подставляй лобешник!

Парнишка вытянул правую руку, оттягивая толстый средний палец, и тут я перехватил его запястье и резко вывернул руку вверх.

– Отпусти...– скривился Леха, он сильно дернулся, но вырваться не получилось. Я держал его крепко.

– Год. Какой сейчас год?!

– Восемьдесят седьмой... отпусти, Серый...

Я медленно ослабил и отпустил руку. Ошарашенный парнишка удивленно посмотрел на меня, потирая покрасневшее запястье:

– Ты что, на самбо начал ходить?

– Да нет. Просто живу давно. Кое-какие приемы выучил. Ты, Алексей, и правда, с куревом завязывай, а то, к едреной матери, еще сарай спалишь...

Значит 22 мая 1987 года. Две недели до трагедии, которая произойдет с моим братом Виктором и его подружкой Леной. Две недели...

После обеда мы забрали свои вещички и поехали в Артемьевск.

За окном автомобиля, вдоль обочины мелькала зеленая лесополоса, даже иногда попадались густые кусты смородины, которые в начале нулевых посохли...

– Пап, а почему ты вообще решил стать водителем? – поинтересовался Юра.

– А куда мне еще со своим образованием? – усмехнулся дядя Толя. – Восьмилетку закончил и сразу в мебельный цех пошел грузчиком работать. Нас же у родителей шестеро было. Попробуй всех прокорми... А перед армией в ДОСААФе на водительские права выучился. Так вот и втянулся... Сам-то, сынок, кем хочешь стать?

– Военным.

– Дело хорошее... – усмехнулся дядя Толя и потянулся к круглой ручке автомагнитолы, настраивая волну.

«Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев посетил сегодня Красноярск с кратким рабочим визитом...» – медленно проговорил в динамик низкий мужской баритон.

Дядя Толя еще раз крутанул ручку и нашел задорную песню из репертуара группы «АББА».

– Юрка, мне мать вчера сказала, у тебя две тройки за год выходит. По русскому и математике... А что же будет к десятому классу? С тройками тебя в военное училище точно никто не возьмет.

– Я все исправлю, пап. Обещаю, без троек год закончу.

– Так осталось всего два учебных дня.

– Слово даю.

– Во как! – покачал головой дядя Толя, но ничего не ответил.

Когда въехали в город, я заметил на торце крайней пятиэтажки большой плакат с изображением Михаила Горбачева. Внизу в глаза сразу бросилась яркая надпись: «К семидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции – проведем перестройку ускоренными темпами!»

– Вам сейчас обязательно нужно хорошо учиться... – сказал дядя Толя. – Время-то настает какое интересное! В Москве, в школах, уже компьютеры появились... смотришь, пока вы учебу закончите – уже на Марс начнем летать...

– Не начнем... – печально вздохнул Юрка. – В ближайшие тридцать лет точно...

Дядя Толя остановил машину возле моего двора. Мы договорились с Юркой вечером встретится на нашем старом месте, возле котельной, и я побрел домой. Пока шел, осматривал родной и до боли знакомый дворик, а мое сердце билось все быстрее и быстрее. Неужели прямо сейчас я увижу своих молодых родителей и брата Витьку?

В подъезде я поднялся на третий этаж, и хотел позвонить, но вспомнил, что в то время мы почти никогда не закрывались днем. Я осторожно толкнул дверь и вошел внутрь. Из кухни выглянула молодая мама, в синем домашнем халате и бигудях.

– Сергей, вернулся?

– Привет мам! – я снял ботинки, вошел на кухню и чмокнул ее в щеку.

Да... я уже и позабыл, как она выглядела в тридцать девять. Почти без морщинок, стройная, со слегка строгим взглядом, причем этот взгляд сохранялся даже тогда, когда она улыбалась. Наверняка, отпечаток суровой профессии педагога.

– Сережа, руки мой и садись за стол. Пельмени через пять минут будут готовы.

– Не. Мы только час назад у тети Вали пообедали. Мам, а Витя где?

– К Лене ушел. Они сегодня собираются на дачу к Максиму, так что Витя только поздно вечером вернется.

– А отец на работе?

– Сегодня же воскресенье. Он в гараже. Сергей, ты точно не хочешь обедать?

– Чайку попью, если можно...

– Странный ты сегодня, Сережка...

Мама осторожно дотронулась ладонью до лба:

– На солнышке, случайно, не перегрелся?

– Почему странный?

– Вежливый, все спрашиваешь... обычно приходишь и сразу к своей «шарманке»...

Все что происходило сейчас, пока казалось мне совершенно невероятным, и скорее напоминало сон. Неужели я сижу на кухне и разговариваю с молодой мамой, ведь на самом-то деле мне уже сорок пять... Как бы не свихнуться от всего этого...

Нечто подобное я испытывал, когда попал в армию. Некое смещение реальности. Совсем недавно я жил дома, делал что хотел и спал в выходные до десяти, а в армии сержанты поднимали нас чуть свет, толком не проснувшись мы, новобранцы, бежали, хлюпая кирзачами по широкой дороге за военном городком, после завтракали и до самого обеда занимались строевой подготовкой. Поначалу было ощущение, что твое тело принадлежит вовсе не тебе, а сержантам и офицерам, которые постоянно нарезали все новые и новые задачи... Однако через несколько дней я адаптировался и просто уже не думал об этом. Там и думать-то особо было некогда, особенно на Курсах Молодого Бойца. Но сейчас ощущение смещения реальности было гораздо глубже и сильнее. В десятки раз сильнее...

– Мам, я вот что спросить хотел. А Витька у нас нигде не подрабатывает?

– Почему не подрабатывает? Он же на все летние месяцы устроился пионервожатым в «Орленок».

Мама налила мне чай в бокал с нарисованными аппетитными вишенками:

– Тебе сколько сахара?

– Не надо. Я без сахара. За давлением слежу.

Она испуганно посмотрела на меня.

– Да шучу я. Две ложки, как обычно.

Мама поставила передо мной фарфоровую сахарницу и положила рядом чайную ложечку.

Я помешал сахар и сделал пару глотков:

– Вкусный какой... видно и впрямь индийский...

– Сереж, ты чай попей и иди лучше в комнате полежи. Мне кажется, ты и вправду в деревне малость на солнышке перегрелся...

– Может я лучше в гараж схожу? Отцу помогу...

– Да он скоро уже придет. Скажи лучше, ты уроки назавтра сделал?

– Уроки... еще не сделал... Скоро займусь.

Пока я пил чай, внимательно осматривал нашу небольшую кухню: желтые навесные полочки, старую мойку, маленький холодильник «Саратов». Я осторожно заглянул под стол: если присмотреться, на желтом линолеуме можно заметить следы от ножа. Когда мне было одиннадцать, на майские праздники родители уехали в гости к друзьям, а я показывал Юрке, как ловко научился втыкать нож с высоты своего роста. Мама, конечно, заметила порчу имущества через пару дней, но на семейном совете линолеум решили поменять во время большого ремонта. Отец тогда еще хотел меня выпороть, но потом махнул рукой, и мудро сказал: « Сам со временем поймет, а не поймет – так дурака и вовсе пороть бесполезно...»

Как только я допил чай на кухне, входная дверь медленно приоткрылась и в прихожую ввалился отец. Казалось, он сразу занял половину коридора. Папа всю жизнь был довольно плотный и сбитый, но без пивного животика, которым обладают многие мужики после тридцати пяти. Отец любил балагурить и шутить по любому поводу, но если на кого-то обижался, мог целый день молчать.

– Серега, рыбу привез? – сразу спросил он с порога.

– Нет.

– Не зачет, – улыбнулся отец. – Мы тебя для чего в деревню отправляли?

Он подошел и потрепал меня за чуб огромной пятерней. Темнорусый, широколицый, с большими голубыми глазами. В мае 1987 года отец уже немного отошел от Афгана, он уже больше года работал в Городской Пожарной части, заместителем начальника.

– Вас понял, товарищ капитан, – улыбнулся я. – В следующий раз обязательно исправлюсь.

– Слушай, Серега, тут дело такое... Скоро каникулы начнутся, и мы с мамкой решили в квартире ремонт сделать. Витька в июне поедет в «Орленок» работать. Давай-ка я тебя к дяде Боре в Новороссийск отвезу! Можешь и Юрку с собой взять... Там Черное море, горы, пляж... Малая Земля...

– Пап, я бы тоже хотел в «Орленок». Никогда не был в пионерлагере.

Отец печально посмотрел на меня и вздохнул:

– Ну ты даешь, Сергей... мы же разговаривали с тобой месяц назад – ты категорически отказался от пионерлагеря. А теперь все места уже наверняка заняты...

– Саша, может и вправду попробуешь узнать через Профсоюз? – задумалась мама. – Если Сережка хочет в пионерлагерь – пускай едет. Тут недалеко и Витя присмотрит...

Это кто еще за кем присмотрит...

– Принципиально не стану ничего узнавать, – покачал головой отец. – На июнь и июль сейчас точно все места заняты. Если только в августе...

– Но обстоятельства ведь разные могут сложиться, – заупрямился я. – Кто-то приболел, кто-то изменил решение и решил не ехать... Зачем сразу все концы обрубать? Можно же разузнать про место в пионерлагере, если есть такая возможность?

Отец удивленно посмотрел на меня:

– Хорошо. Завтра узнаю. Но все же ты зря не хочешь в Новороссийск...

– Успею еще, пап. Хочется с ребятами пообщаться... ну знаешь, романтика. Пионерские костры, конкурсы, речевки... Это же такая память на всю жизнь...

– Молодец, – кивнул отец, – с таким энтузиазмом и запалом, наверное, станешь комсоргом, а там и до секретаря райкома дорастешь...

– А после от прораба до министра дорастешь... – улыбнулся я, вспомнив веселую песенку Высоцкого.

– О... – улыбнулся папа. – Серега начал слушать Владимира Семеновича...

Я серьезно посмотрел на отца:

– Кстати. Не будет через несколько лет никаких секретарей райкомов. И компартии тоже не будет...

Отец нахмурился:

– Что ты несешь, Сережа? С чего ты это вообще взял?

Ну и кто только меня за язык тянул?

– А это... Вадим Сафонов ночью на радиостанции «Голос Америки» услышал...

– Пусть он эту гадость зарубежную поменьше слушает... Уроды... пудрят людям мозги...

Отец вздохнул и присел на деревянный табурет. Мама сразу поставила на стол тарелку с горячим супом и тихо сказала:

– Сережа, не забывай про уроки..

Я вздохнул и направился в свою комнату.

В 1983 году, когда мы только въехали в «трешку» в новом микрорайоне «Черемушки», отец сразу разделил самую большую комнату пополам. Одну половинку – Витьке, а вторую мне. В моей комнатухе сразу бросались в глаза разноцветные обои с космическими кораблями и спутниками. Помню, я сам выбрал их в магазине. Возле окна стояла небольшая кровать, внизу притаились двухкилограммовые литые гантели. В углу красовался венгерский секретер из ореха, с откидным столиком. Очень популярная модель в восьмидесятые, для экономии места в небольших советских квартирах. На маленькой прикроватной тумбочке стояли мои главные драгоценности: кассетный магнитофон «Электроника» и приемник «Океан», с которого я записывал понравившиеся композиции на магнитофон. Над кроватью висели две коричневые деревянные полочки. В одной лежали аудиокассеты, а во второй любимые книги детства: «Том Сойер» Марка Твена, «Водители Фрегатов» Николая Чуковского, и почти все книжки Жюль Верна.

Я бережно открыл «Пятнадцатилетнего капитана» и проверил на предпоследней странице свою первую записку, целых двенадцать рублей.

В прихожей приоткрылась дверь и я сразу услышал голос Вити:

– Мам, не поехали мы к Максимовым. Тетя Галя приболела, с температурой лежит...

Я вышел из комнаты и застыл, увидев брата.

Лицом он напоминал маму, такой же круглолицый, со слегка вздернутым носиком. К тому же брат с пятнадцати лет носил очки, и они придавали ему несколько серьезный академичный вид. Но фигуру Витя точно унаследовал отцовскую, такой же крепкий и сбитый, как сжатая пружина. Да и ростом его природа совсем не обделила.

– Привет, братишка! – подмигнул Витька.

Я подошел, пожал руку и обнял брата за плечи.

Витя, родной мой братишка...

– Серега... ты будто меня целый год не видел... – рассмеялся Витя. – Кстати, ты записал мне «Братец Луи» на кассету?

– Ты же попсу не очень любишь...

– Я люблю, когда музыка хорошая. Пойдем-ка, Серега, разговор есть...

– Витя, ты обедать будешь? – выглянула мама из кухни.

– Не... я у Лены покушал...

Мы зашли в комнату брата. Мне даже не верилось. Вот он. Витька мой, Витюшка... Братишка... Хотелось его всего пощупать, обнять, провести ладонями по непослушным вихрам...

– Серега, твои уроки по математике и русскому я сделал. Тебе осталось только переписать.

– Спасибо... – растерялся я.

Брат внимательно посмотрел на меня:

– Сереж, мне деньги очень нужны. Я знаю, у тебя есть сбережения. Обязательно верну через неделю.

– Да у меня всего двенадцать рублей.

– Черт... я думал больше. Хорошо, давай двенадцать.

Я сходил в свою комнату и принес Вите деньги.

– Спасибо, братишка. Обязательно верну... пока можешь уроки переписать.

Он протянул мне тетрадки, я взял их и присел на краешке кровати.

– Витя. Расскажи мне пожалуйста, во что ты ввязался.

Брат удивленно приподнял брови:

– Серега, с чего ты взял, что я во что-то ввязался? Просто Лене хочу подарок сделать. У нее послезавтра День рождения. А к родителям не хочу обращаться с денежным вопросом... они и так в долги залезли на этот чертов ремонт...

– Понятно. А то я уже подумал, может с жуликами спутался, или карточный долг...

– Серега, ты сегодня такой серьезный, будто повзрослел за эти выходные...

– Витя, послушай. Мы же братья. Если у тебя действительно возникли проблемы – просто доверься мне. Я смогу помочь.

– Странный ты какой-то... Давай позже поговорим. Сейчас мне конспекты нужно полистать, завтра экзамены...

В комнату заглянул отец:

– Серега, не мешай брату. Поехали лучше в гастроном смотаемся...

Перед выходом из дома, я еще раз осторожно заглянул через приоткрытую дверь в комнату брата: Витя что-то быстро писал в тетради с коричневым переплетом.

– Пойдем-пойдем... – подтолкнул меня папа, – чудной ты сегодня, Сережка...

Возле подъезда стояла бежевая «копейка», машина отца. Он все никак не мог накопить на новую и купил осенью 1986 года подержанные «жигули» у Данилыча, соседа с первого этажа. Хотя отец следил за автомобилем, «копейка» все равно частенько выкидывала фортеля. Так получилось и на этот раз. Немного не доехав до гастронома, машина неожиданно стала дергаться на ходу. Отец проехал перекресток и припарковался у обочины.

– Не пойму... опять, что ли, свечи залило...

– Пап, ты колпаки проверь, – предложил я. – И посмотри наконечник на датчике холостого хода.

Отец недоверчиво покосился на меня и открыл капот:

– Знаешь, Серега... а ты как в воду глядел. Действительно наконечник датчика холостого хода соскочил.

Он закрыл капот, сел в машину и завел движок. Мотор заработал ровно как часы.

– Подожди... а откуда ты вообще знаешь устройство «Жигулей»?

– В библиотеке иногда листаю подшивку журнала «За рулем».

– Ну ты прямо вундеркинд... – удивился отец. – Может вместо шестого сразу в седьмой класс пойдешь?

Я равнодушно пожал плечами.

Отец еще не знал, что когда я приду из армии и женюсь, он вскоре подарит мне эту «копейку, а себе купит новенькую «семерку». Через год я уже знал каждый чих в своем первом автомобиле...

Когда мы прибыли к магазину и припарковались на пяточке, я заметил возле второго входа, где продавали алкоголь, толпу мужиков.

– А это что за штурм Зимнего?

– Сегодня водку привезли. Дают по бутылке на рыло, – усмехнулся отец.

– Создали ажиотаж... Вот если бы Горбачев не запрещал пить – не было бы такой давки, – покачал я головой.

В этот момент вторые двери магазина приоткрылись и толпа сразу ринулась вперед. Действительно, как на штурм Зимнего!

Когда мы вошли в бакалейный отдел гастронома, я немного обалдел. Конечно, все немного не так, как говорил Костик – но все же ассортимент магазина оказался довольно скуден. Но я толком не смотрел на витрины, мне в глаза сразу бросилась красочная мозаика во всю стену: огромный бородатый мужик, похожий на разбойника из казачьей шайки Степана Разина, протягивал маленьким детям большой каравай хлеба, а сзади виднелись красные комбайны и ядреные желтые колосья пшеницы...

Отец купил хлеб, селедку, пачку макарон и два кило сахара по талонам.

– Ириски возьмите, – улыбнулась розовощекая продавщица, взглянув на меня. – «Золотой ключик» только утром привезли.

– Ну... тогда насыпьте кило, – кивнул отец.

В гастроном ворвался худощавый носатый мужичок в клетчатой рубашке:

– Саня, а я смотрю – вроде твой «жигуленок» стоит. Выручай!

– А что случилось?

– Пузырь только в одни руки дают, а к нам завтра шурин приезжает из Донецка. Возьми, пожалуйста... – мужик протянул червонец. – Там Борисов шестой от прилавка стоит, он тебя вперед пропустит!

Отец аккуратно уложил продукты в авоську и всучил мне:

– Серега, жди в машине.

Я вышел и сел на заднее сидение автомобиля. Отец и его приятель вскоре растворились в толпе страждущих. Я знал, что в таких страшных очередях, где стоял разночинный народ, всякое случалось. От легкого мордобоя до кровавой поножовщины.

Оставив авоську на заднем сидении, я подошел ближе к очереди, и вдруг услышал грозные голоса внутри:

– Степан, гони их!

– Эти черти точно здесь не стояли!

Двери распахнулись шире, и два крепких бородача вынесли из дверей Клетчатого, с зажатой под мышкой бутылкой. Я сразу заволновался за отца, и

разбежавшись, прошмыгнул сквозь чьи-то потные тела, острые локти, кто-то из мужиков успел смачно вмазать мне затрещину по затылку. Но я все же достиг цели и оказался внутри магазина. Отец стоял за маленьким лысым мужиком, четвертым в очереди, а недалеко от меня канючило грязное небритое существо, с ужасным перегаром:

– Мужик! Да-да, к тебе обращаюсь...

Отец медленно обернулся, но меня не заметил, я спрятался за рыхлым небритым толстяком.

– Послу-ушай... – взвизгнуло существо, – мы здесь с трех часов очередь занимали! Откуда ты вообще нарисовался?

– Да иди бери, если так нейдет... – усмехнулся отец.

– Не... парни, видели хама? Залез без очереди, да еще права качает?!

Я приблизился сзади, вплотную к бузотеру, и легонько ткнул его в бок. Он сразу испуганно обернулся, посмотрев на меня маленькими глазами-пуговками.

– Ты форточку свою завали, – грозно прошептал я. – А то всю оставшуюся жизнь будешь водку через трубочку сосать.

Хмырь приоткрыл рот и вытянул удивленное лицо.

– Еще раз хлебало раскроешь – пожизненно в ЛТП поселишься... – продолжил я кошмарить алкаша-провокатора.

Он тут же побледнел и попятился назад, затерявшись в толпе.

Толстяк рядом со мной усмехнулся:

– Ну ты даешь, пионер...

Отец купил бутылку водки, и увидев меня возле двери, покачал головой:

– Серега... я же сказал, жди в машине...

Когда мы вышли из ликеро-водочного отдела, Клетчатый ждал нас у ступенек:

– Спасибо, Саня... теперь я твой должник...

Отец махнул рукой, отдал бутылку, и мы направились к машине. Задняя дверца оказалась немного приоткрыта. Все продукты лежали на месте, на заднем сидении, но куда-то таинственным образом исчез пакет с двумя кило сахара.

– Ничего, – усмехнулся отец, – с ирисками будем чай пить. Все равно талонов больше нет...

Вечером мы встретились с Юркой на трубах, за старой кирпичной котельной. В детстве это было место наших постоянных сборищ. А еще мы с ребятами частенько оккупировали стройки, где в младших классах играли в войнушку, а когда стали чуть постарше – дрались там с пацанами из чужого района. Сколько наших друзей получили на стройке ушибы и переломы, даже вспомнить страшно...

– Серега, ну ты как, осваиваешься?

– Юрка! Знаешь, что я думаю... Если мы теперь и вправду можем что-то изменить... то спасем Виктора. Спасем моего брата и его подругу Лену. И поможем твоему отцу избежать ДТП...

– Постой, а когда это случилось... ну, с Виктором?

– Восьмого июня тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года.

– Через две недели... – задумался Юрка.

– Да, медлить нельзя. Я постараюсь покопаться в его бумагах, вдруг найду какие-то записи... Витя любит вести дневники.

– Хреново, что сотовых нет. Нам нужно постоянно быть на связи.

– Будем держать связь по городскому...

Юрка вздохнул:

– Я знаешь, что думаю... Нужно уговорить батю поменять профессию, тогда и не случится этого ДТП.

Я задумался.

– Нужно сделать так, чтобы у него вообще забрали водительские права.

– Но как это сделать?

– А вот над этим и надо как следует подумать.

– А все-таки удивительно здесь... – улыбнулся Юра. – Даже воздух будто другой. И люди другие.

– Обычные советские люди. Что это тебя на романтику пробило?

– А ты прямо невозмутимый, как фонарный столб. Я дома стараюсь базар фильтровать, и так много лишней информации родителям выдал.

– Болтун – находка для шпиона. Помнишь старый советский плакат?

Юра кивнул и усмехнулся:

– Ладно... меня родители только на пол часика отпустили. Утром перед школой я к тебе зайду. Буду ждать возле подъезда...

Вечером я лежал на кровати и долго не мог уснуть. В это действительно трудно поверить, но мы с Юрой и вправду оказались в прошлом. И что еще более удивительно – мы опять стали двенадцатилетними подростками.

Это уже неопровержимый факт. А значит, если так выпали карты – нужно грамотно распорядиться таким удивительным шансом. Теперь мы обязательно все исправим...

Глава 4

Утром, когда родители ушли на работу, а брат в институт, я осторожно заглянул в комнату Вити. Быстро просмотрел тетради на столе. Это оказались учебные конспекты, а та странная тетрадка с коричневой обложкой таинственным образом исчезла. На полочках с книгами ее тоже не было, и тогда я вспомнил, что Витя иногда закрывал на ключ выдвижной ящик стола. Попробовал открыть – и вправду заперто. Наверняка брат там и хранит свои секреты!

Поразмыслив, немного отодвинул стол от стены, и принес из кладовой инструменты. Осторожно поддел стамеской торец ящика с задней стороны, вытащил планку и запустил внутрь ящичка руку. Там оказались два Витькиных личных дневника, которые он вел еще в седьмом и восьмом классе. Я быстро пролистал тетради и не нашел ничего интересного, за исключением одной короткой зарисовке о себе: «Сергей в свои шесть лет иногда кажется

мне серьезным не по годам. Он даже еще толком не выучил все буквы русского алфавита, но уже довольно здраво рассуждает. Вчера, когда мы с отцом смотрели по телевизору Чемпионат СССР по футболу, Сережа сказал, что пинать мяч – это игра для детей, а взрослые мужики должны строить дома, чинить дороги и воевать с врагами... Отец сначала рассмеялся, а потом задумался и сказал, что из младшего точно выйдет толк...».

Еще Виктор немного писал про папу: «Мой отец выбрал наиболее мужскую профессию из всех возможных. Трудно представить, что после Великой Отечественной войны в Мире случатся еще войны. Однако, ненасытные западные капиталистические страны постоянно стремятся к гегемонии на всем Земном шаре, вот уже вспыхнул пожар на Ближнем Востоке. Я переживаю об одном, как бы папу не послали служить в Афганистан...» Остальные короткие записи оказались про школу, про шахматный клуб, который Витя посещал пару лет. Я пошарил в полке еще, и обнаружил под толстым листом обоев тонкую бумажную папку. Затаив дыхание, я открыл ее. Внутри действительно оказалась тетрадь в коричневой обложке. Но когда я пролистал содержимое, то выяснил, что там написаны просто лирические стихи. Произведения о любви Есенина, Галича, Высоцкого. Несколько стихов, похоже, Виткиного сочинения:

Хорошо, что ты живешь на свете,
Счастьем награждая каждый вздох.
Я на этой маленькой планете
Лучик Солнца для тебя сберег

Хорошо, что ты живешь на свете,
Как любви хрустальная слеза,
Я проснусь сегодня на рассвете,
Чтобы целовать твои глаза...

И все в таком же духе. Я был откровенно разочарован. Думал, что брат действительно хранит компромат на важных людей, а здесь всего лишь сопливые романтические стишки...

Еще раз тщательно проверив все вещи в Витиной комнате, я так ничего и не нашел. Быстренько оделся и захлопнув двери, вышел на улицу, в прохладное майское утро.

Юрка ждал меня возле подъезда.

– Серега, опаздываем уже... Ты чего так долго?

– В Витиной комнате обыск делал. Но так ничего и не нашел.

Мы шагали в школу нарядные, в белых сорочках, пионерских галстуках и в отглаженных до острых стрелочек школьных серых брючках. На плечах висели почти одинаковые сумки с учебниками и тетрадями.

– Сергей, представляешь, сегодня утром чуть крыша не поехала, когда я проснулся в своей детской. Неужели... нам и вправду послан такой шанс, прожить жизнь по новому?

– Прикинь, Юрок, опять станешь «летать» как дух на первом курсе военного училища. А потом, уже в военной части, как молодой лейтенант, пару лет из нарядов не будешь вылезать. Через день на ремень...

– Да я может вообще теперь не пойду в военные...

– Да ты что? А куда же?

– А может... в бизнесмены подамся. А что я заработал-то на своей службе, кроме геморроя? Это еще последние пять лет зарплату военным малость приподняли. А до этого мы с женой жили от зарплаты до зарплаты... И эти вечные учения, сборы, полевые выходы...

– Потому что есть такая работа. Родину защищать.

– Ты не умничай, Серый. Что же сам по контракту после срочной не остался?

– Была у меня такая мыслишка... но ты же помнишь, какой бардак в армии в девяностых был... я и так тогда чуть в Чечню не загремел...

День сегодня выдался пасмурный, с темного неба изредка срывался мелкий дождик. А я смотрел на своего двенадцатилетнего друга Юрку, с короткой стрижкой и смешной челкой, и никак не мог поверить, что все это в действительности происходит с нами.

– Знаешь, Юра, думаю, за Витей нужно проследить. Если он действительно перешел дорогу кому-то важному...

– Значит, в комнате у него ничего подозрительного не обнаружилось?

– Пока нет. Но брат ведет себя довольно странно. И сегодня ни свет, ни заря, уже из дома свалил...

– Он в педагогическом учится?

– Да. Думаю, для слежки необходимо найти человека, которого Виктор не знает.

– Есть у меня на примете такой человек, – улыбнулся Юра. – Мой сосед. Валерка Дерябин. Он просто тащится по книжкам о Шерлоке Холмсе. Принесешь сегодня вечером фото Виктора, и мы поручим Валерке слежку... Он только рад будет

– Как бы твой сосед не вляпался...

– Не вляпается. Мозги у него точно есть.

Когда мы почти подошли к школе, то увидели на скамейке двух парней. Одного я узнал сразу: крепкий четырнадцатилетний верзила Яша «Клепа», хулиган из нашего микрорайона, а второй – смешливый лопухий Генка Иванов из шестого класса.

– О... знакомые все лица, – улыбнулся Юра.

– Комар, иди-ка сюда! – грозно окликнул Клепа.

Раньше Яшка учился в нашей школе, но его родители решили, что педагоги занижают умственные способности сына, оставляя его на второй год, и перевели парня в соседнюю школу. Однако, Клепа и там всю игнорировал учебу. Он по привычке околачивался возле старой школы, вытрясая с пацанов деньги на сигареты и пирожные.

Когда мы подошли, Клепа привстал со скамейки и грозно нахмурился. А я засмотрелся на его необыкновенное лицо, такого количества веснушек, пожалуй, я за всю жизнь больше ни у кого не встречал.

Яшка сядет в шестнадцать лет за драку с милиционером на танцах, а когда через три года освободится, свяжется с наркотиками и вскоре загремит уже на семь лет. После освобождения он переедет в Ростов, и дальнейшая судьба бывшего школьного хулигана мне станет неизвестна...

– Ты чего уставился, придурок? – нахмурился Клепа, сквозанув по мне грозным взглядом. – Давно в ухо не получал?

– Яша, мы в школу спешим. Урок уже через пять минут начнется, – деликатно сказал Юра.

– Успеете. Комар, мне этот лопухий сказал, ты ему денег задолжал.

Бледный Генка Иванов сжался в комок на краю скамейки.

– Если задолжал – то отдам.

– Мне отдашь, – спокойно процедил Клепа. – Пятьдесят копеек.

– Гена, а когда это я тебе задолжал? – нахмурился приятель.

– В пятницу, когда в пробки играли за гаражами, – удивился Иванов. – Забыл уже?

– А при чем тут Яша? Тебе должен – значит тебе и отдам.

– Теперь ты, придурок, мне должен. Быстро гони «фанеру»! – Клепа тяжело задышал, вплотную приблизился к Юре и небрежно схватил его за ухо.

Приятель покраснел, сбросил с плеча сумку, и резко перехватив запястье хулигана левой рукой, правой ударил под дых. Клепа согнулся пополам, судорожно хватая ртом воздух, а Юрка

тут же добавил свой коронный апперкот в челюсть. Яша тут же завалился на асфальт, едва не ударившись затылком об край скамейки.

– Ненавижу, когда меня за уши хватают, – злобно прошипел Юра.

Клепа, лежа на асфальте, схватился за ушибленную челюсть и выпучив глаза, удивленно смотрел на грозного Юрку. Он совсем не спешил вставать. С соседней скамейки подбежали два рослых восьмиклассника. Один из них быстро помог Клепе приподняться. Побитый хулиган будто на время совсем потерял дар речи, удивленно озираясь то на Юрку, то на меня.

– Ты боксер, что ли? – спросил высокий восьмиклассник по фамилии Степанов, он играл за школьную сборную по баскетболу.

– Занимался немного в училище... – пробурчал Юра и сразу понял, что ляпнул лишнего.

– Пойдем, а то на урок опоздаем, – одернул я друга.

Комаров подобрал с земли сумку и обернулся к Генке Иванову:

– Завтра подойдешь ко мне, я тебе долг верну...

Испуганный Гена кивнул, приоткрыл рот, будто хотел что-то сказать, но тут же передумал.

В холле, на первом этаже школы, мы столкнулись с завучем Людмилой Анатольевной Загорулько, степенной сорокалетней женщиной, по прозвищу «Няня».

– Так... Колчин и Комаров... урок уже пять минут как начался...

– Нас по дороге остановили поли... милиционеры. И попросили пожилого мужчину домой довести, – на ходу сочинил Юрка.

– А что же они сами не довели... просто удивительно! Ладно, ребятки, бегите на урок.

– Людмила Анатольевна, скажите, а я смогу исправить тройки за год, если хорошо подготовился?

– Ты меня удивляешь, Юра. Учебный год уже через два дня заканчивается...

– Но ведь это несправедливо, если человек располагает знаниями, а ему занижают оценку.

– Хочешь сказать, ты весь год толком не учился, а тут за считанные дни подготовился?

– Да.

– Хорошо. Зайди ко мне на большой перемене. Что-нибудь придумаем.

Мы посмотрели на расписание занятий на стенде и поспешили в одиннадцатый кабинет, на урок истории.

– Боюсь... Клепа этого так не оставит, – вздохнул я, – будет требовать реванша.

– Пусть требует, – пожал плечами приятель, – тогда я ему еще сильнее репу начищу...

– И не стыдно вам, Юрий Анатольевич, в сорок пять годков бить подростков...

– Так я его еще не бил. Так, размялся малость... тоже мне, нашелся... рэкетир хренов...

Мы осторожно подошли к двери кабинета, и постучавшись, вошли внутрь.

Все одноклассники тут же устали на нас. А у меня в груди быстро забилося сердце. Какие же они сейчас маленькие и милые. Девочки в школьных платьицах и с бантиками, пацаны в пиджачках... Кто бы мог подумать, что вот этот славный белобрысый мальчуган Слава Качин – станет вором-рецидивистом, годами не вылезаящим из тюрем. А Таня Сапункова, девочка с огромными голубыми глазами и толстыми косичками через семь лет окажется валютной проституткой, в тридцать семь она закончит свою жизнь от передоза в одном из питерских притонов... Смугленький Женя Ковалев в девяносто пятом попадет в Чечню. Через месяц под Ханкалой пуля снайпера разворотит ему плечо, а когда Женю демобилизую по ранению, в Военкомате выделят двенадцать ельцинских миллионов, на которые он купит подержанный «Москвич» и начнет таксовать...

– Проходите, ребятки... что застыли как вкопанные, – удивился полноватый Владислав Ильич Шахин, наш учитель истории.

В 1990 году Владислав Ильич уйдет со школы и откроет первый в городе мебельный кооператив. К концу девяностых у него будет уже три собственных предприятия. Шахин станет одним из первых богачей нашего города. Но после наезда братков и серьезного разлада с партнерами, Владислав Ильич вскоре переедет жить в Грецию. Но так и не сумеет наладить бизнес на чужбине. Холодной весной 2012 года Шахин вернется обратно в Россию, уже довольно дряхлым и одиноким стариком...

Мы присели за четвертой партой в среднем ряду. Нина Кузнецова внимательно посмотрела на меня и погрозила маленьким кулачком.

Пока Владислав Ильич рассказывал, что китайцы первыми изобрели порох и построили Великую стену, я внимательно рассматривал одноклассников. Конечно, не всех ждет трагическая судьба. Например, тихоня Вадим Поляков станет бизнесменом, откроет магазин, а чуть позже еще два больших автосервиса. Коля Язенцев выучится в Юридическом и станет работать следователем в Прокуратуре. А вот Алинка Касьянова вообще уедет в Москву, чтобы поступить в МГУ, но закончит Шукинское училище, и хоть большой звездой не станет, но иногда все же будет мелькать на телеэкранах в российских мелодрамах. Денис Харитонов, неприметный прыщавый паренек, довольно рано облысевший, в сорок два станет мэром соседнего Тиходонска.

– Колчин, ты чего это пол урока головой крутишь, – улыбнулся Владислав Ильич, – Будто одноклассников своих никогда не видел... Или тебе неинтересна сегодняшняя тема?

Преподаватель всегда довольно болезненно относился, когда его слушали невнимательно.

– Очень интересная тема, Владислав Ильич. Просто я задумался, какой интересно у нас в стране будет жизнь лет через тридцать...

– А вот это, ребятки, довольно забавно. Конечно, никто не может заглянуть в будущее. Узнать, что же скрывается там, за манящим горизонтом... Но я твердо уверен в одном. В СССР вы, ребята, можете с уверенностью смотреть в завтрашний день. Советский Союз – это светоч в большом и изменчивом мире. Сейчас, когда перестройка под мудрым руководством Михаила Сергеевича Горбачева набирает небывалые темпы, от вас, ребятки, требуется только одно – учиться, и еще раз учиться, чтобы стать в будущем настоящими специалистами и профессионалами своего дела...

Мы с Юркой переглянулись.

– Владислав Ильич, – осторожно спросил Комаров. – А откуда вообще так неожиданно взялся этот Горбачев? Не кажется вам подозрительным такой стремительный взлет в его карьере?

Преподаватель побледнел:

– Комаров, за такие охальные слова по отношению к генеральному секретарю компартии тебя бы в тридцать седьмом уже в детскую колонию отправили. Скажи спасибо, что сейчас ты живешь в период демократии и гласности...

– А вы, Владислав Ильич, не заступайтесь. Неужели никто не видит, кто он такой на самом деле? Обычный демагог, а если сказать начистоту...

– Комаров, немедленно выйди из класса! Завтра придешь с отцом. Если у тебя в голове пустота – не надо окружающим голову морочить!

Юрка нахмурился, схватил сумку и вышел за дверь с гордо поднятой головой.

Нет, ну надо же такое учудить... вот дебил сорокапятiletний...

Шахин вздохнул и покачал головой:

– Ну что же, ребята, давайте вернемся к нашей сегодняшней теме...

Пока преподаватель продолжал лекцию, я думал о том, что за Виктором нужно действительно устроить слежку. А еще попробовать осторожно подкатить к его подруге Леночке Егоровой. Они встречаются уже почти два года, и наверняка Витя все ей рассказывает...

Я вспомнил, как брат в первый раз привел Лену в гости, чтобы познакомить с родителями. Это произошло на Седьмое ноября 1986 года. Лично я оказался в легком шоке от выбора брата. Витька такой высокий, ладный, в очках... настоящий эрудит и умница. А Леночка оказалась худенькая, востроносая, со смешным хвостиком. Белая блуза висела на ней мешковато, а грудь практически не выпирала, как это бывает у молодых девиц. Мне сразу показалось, что они совсем не пара. Я-то думал, что брат приведет в гости девушку с модельной внешностью молодой Клаудия Шиффер, а оказалась обычная серая мышка... Такая по улице пройдет – и не заметишь!

Когда прозвенел звонок, и все ребята выбежали в коридор, я почувствовал легкий тычок в спину. Сзади стояла слегка расстроенная Нина Кузнецова:

– Ну и козел ты, Колчин...

– Это еще почему?

– А кто мне вчера свидание назначил у фонтана, а сам не пришел?

– Я... не мог. Вечером в нашем подъезде пенсионера ограбили. Милиционеры попросили меня побыть понятым.

– Какой кошмар... – испугалась Нина. – И много украли?

– Около миллиона. Он оказался подпольным советским миллионером. Как Корейко из «Золотого тельца».

– Ничего себе... я думала, такое только в фильмах бывает...

– Я там почти до полуночи проторчал, пока опера все описывали.

– Ну и? – закусила губу Ниночка. – Когда теперь гулять-то пойдем?

Блин, вот этого мне еще не хватало... вести шашни с двенадцатилетней одноклассницей... А я ведь помню, что мы встречались с Ниной, раза четыре ходили в кино и даже пару раз поцеловались... а после она бросила меня, вернее, заменила на того самого красавца-баскетболиста Степанова. Они дружили довольно долго, говорят, Нина даже делала аборт в десятом классе. Но вскоре Степанов уехал поступать в Школу Милиции в Волгоград и нашел там другую невесту, а Нинка немного погоревала и вскоре выскочила замуж за Игорька, тридцатилетнего школьного водителя автобуса...

– Нина, давай завтра. В семь часов у фонтана.

Девочка слегка надула губки:

– А сегодня что? Сильно занят?

– Юрку подготавливаю. Хотим его тройки за год исправить.

– А... ну тогда желаю успехов в вашем безнадежном деле, – улыбнулась Нина, и развернувшись, слегка покачивая бедрами, вышла из кабинета.

Друга Юру я нашел возле спортзала, в окружении пацанов из нашего и параллельного классов. Слухи быстро расплзались по школе, и все ребята уже знали, что Комаров нокаутировал грозного Клепу.

– Давай признавайся, на какую секцию ходишь... – пытали пацаны обалдевшего от внезапной славы Юрку.

– Комар, иди-ка на пару слов... – окликнул я сегодняшнюю школьную Звезду.

Мы вышли из здания и сели на скамейке у тутовника:

– Ты что творишь, придурок?

– А что такого?

– На хрена на уроке спор затеял про Горбачева? Мы-то все знаем наперед, а ребята и учитель еще ничего не знают.

– Серега... мне вот что в голову пришло... а ведь мы вообще можем сохранить Советский Союз. Мы же и вправду знаем все события наперед...

– Юрка, не дуркуй. Еще пару таких залетов и про тебя точно сообщат куда следует. Если не на зону, так в психушку еще загремишь. И не вздумай никому распространяться про технологии будущего, про сотовые телефоны, интернет, тачки... Ты меня хорошо понял?

– Да понял я все... Больше никаких залетов.

К нам медленно подошла Ирина Викторовна, молодая учительница русского языка и литературы. Высокая, стройная, с широкоскулым лицом, карими миндалевидными глазами и темными волосами, собранными в пучок на затылке. Настоящая знойная красотка.

– Комаров, мне сейчас в учительской Людмила Анатольевна интересную новость рассказала. Ты что, хочешь тройку за год по русскому исправить?

– Хочу... – Юра похотливо вылупил на выпирающую из блузы грудь учительницы.

– А ты достаточно оцениваешь свои знания, Юра? Ты же в слове «шоссе» делаешь три ошибки?

– Я подготовился, Ирина Викторовна...

– Хорошо, я не против дать тебе шанс. Готовься, сейчас на уроке будешь писать сочинение на вольную тему.

Учительница развернулась и медленно продефилировала в школьный корпус на своих высоких каблучках.

Мне показалось, что Юрка даже слегка тяжело задышал:

– Веришь, Колчан... с седьмого класса мечтал Иришке засадить..

– Идиот. Даже не думай об этом. Тебе сейчас двенадцать, а ей двадцать три.

– Вообще-то мне сорок пять... – улыбнулся Юра.

Из школьной калитки показался восьмиклассник Максим Степанов, и быстро направился к нам.

– Похоже, этот верзила по твою душу... – пробурчал я.

Степанов подошел и грозно уставился на Юрку:

– Короче так, дружище. Клепа требует реванш. Махач состоится завтра в двенадцать, на большой перемене, за школьной мастерской.

– Ему мало что ли? – удивился Юра.

– Яшка сказал пацанам, что ты исподтишка его достал. Завтра будет честный бой. Старшеклассники уже ставки ставят.

– И какие ставки? – усмехнулся приятель.

– Один к четырем против тебя. Я на Клепу пятерку поставил. Так что если ты даже выигрешь – я тебя лично урою...

Баскетболист Степанов смачно сплюнул в клумбу с цветами и направился в здание школы...

– Видал, Юрец, как события разворачиваются... может проще было отдать этому рыжему придурку полтинник.

– Вот уже хрен. Сам напросился. Теперь-то я ему репу конкретно начищу, это уже без вариантов. Я в училище второе место занимал. И этого рыжика так отделаю – забудет собственное имя...

– Злой ты какой-то... – вздохнул я.

И тут раздался пронзительный звонок. Мы привстали и поспешили в школьный корпус.

На уроке русского языка Ирина Викторовна посадила Юрку на первую парту перед собой, а ко мне посадила Славу Качина. Пока все писали изложение, Комаров корпел над сочинением на вольную тему. Интересно, сорокапятилетний подполковник в отставке сумеет написать сносное сочинение из школьной программы пятиклассника?

– Чего это он? – кивнул на Юрку сосед по парте.

– Тройку за год исправляет.

– Ребятки, не шумите... – чуть повысила голос Ирина Викторовна.

Вот уж и впрямь говорят, не родись красивой, а родись счастливой... в двадцать пять Ирина Викторовна выйдет замуж за успешного предпринимателя, вскоре один за одним родит двух ребятишек. Но через несколько лет ее муж влезет в чудовищные долги, и однажды ночью сбросится с крыши девятиэтажки. Бандиты заберут у Ирины Викторовны квартиру, машину, все что осталось от мужа... Она уедет с детьми в небольшое село Харитоновку, и станет преподавать в местной школе. Через год Ирина Викторовна выйдет замуж за водителя молоковоза, родит еще двоих детишек. Однажды, под Новый год, ее муж вместе с друзьями угорит в бане, напившись до беспамятства... В 2010 году я случайно встретил Ирину Викторовну в Артемьевске, и с трудом узнал в худошавой бледной женщине с темными кругами под глазами, бывшую школьную красавицу-учительницу...

Но больше всего меня занимала судьба Славы Качина. Обычно, если мальчишка склонен к криминалу – это видно еще с детства. Однако Слава был всегда абсолютно спокойным и тихим ребенком. Никогда не выделялся, не выставлялся, учился с тройки на четверку, и никогда не лез в лидеры. Все знали, что Славкина мать воспитывает троих детишек одна и малость прибухивает. Качин всегда донашивал шмотки и обувь старших братьев, иногда приходил на занятие в немного грязной или рваной одежде. Но мать Слава любил до безумия и на сорокалетие решил сделать ей подарок. Тогда мы как раз заканчивали одиннадцатый класс. Ночью Слава залез в торговый кооператив «Радуга» и украл из кассы семьсот пятьдесят рублей. На следующий день он хотел купить матери в подарок новый цветной телевизор. Один из пенсионеров, старый пердун Колесников, весенней ночью не спал, он видел весь процесс незаконного проникновения в кооператив, и сразу узнал в похитителе старшекласника Славу Качина, парнишку из соседнего двора.

Опера взяли Славика прямо на входе магазина «Мир техника», с новым телевизором в руках... ну а дальше понеслось... К сорока пяти годам Качин отсидел в общей сложности пять раз, и даже имел определенный авторитет в криминальном мире..

Юра закончил писать сочинение за полчаса и отдал листок слегка удивленной учительнице. Ирина Викторовна быстро прочитала Юркины каракули и положив листок на стол, недоверчиво уставилась на приятеля:

– Комаров, честно говоря, я не ожидала от тебя такого. И по смыслу отлично, и грамматических ошибок практически нет. Только две запятые лишние поставил.

Она привстала и взяла листок в руки:

– Ребята, послушайте, это сочинение вашего одноклассника, Юрия Комарова. «Есть такая профессия – Родину защищать. Я долго размышлял и твердо решил, что когда вырасту – обязательно стану военным. Нет на свете более достойного занятия для мужчины. Любить Родину всем сердцем – это одно, а защищать страну от полчищ вражеского отродья, готовность в каждую минуту пожертвовать жизнью за родную Отчизну – это, пожалуй, даже выше Любви. Западные страны нас никогда не понимали и не поймут. В 1812 году французские эскадроны сразу драпали при одном появлении сотни разъяренных русских казаков. В сорок первом немецким генералам даже не могло прийти в голову, что русский израненный солдат, в одних рваных подштанниках может идти в атаку на грозный «Тигр» с коктейлем Молотова. Такие герои как Александр Матросов или Алексей Мересьев могли родиться только на русской земле.

Даже в наше время среди натовцев ходят легенды о неукротимости и бесстрашии русского духа. И где бы не воевал российский солдат: в Афганистане, Камбодже, Ливии или Сирии – ужас будет еще долго сотрясать врага, заставляя поверить в Дух настоящего война, и бросая к ногам русского воина поверженные штандарты... Англосаксы уже давно метят взгляд на наши необъятные территории, полные подземных богатств. США, этот жуткий двуличный гегемон современного мира, старается навязать свою волю в Европе и на Ближнем Востоке. Но я знаю

одно, на русскую землю никогда не ступит сапог натовца, потому что не хватит у них на то их мышинной, подлой натуры...»

Ирина Викторовна обвела взглядом класс:

– По моему, здорово написано, ребята.

– Ирина Викторовна, – тихо спросил Вадик Сафонов, – а при чем здесь Ливия, Сирия... Насколько я знаю, наши войска находятся в Афганистане с миротворческой миссией, но в целом Советский Союз взял курс на укрепление Мира на всем Земном шаре.

– Я считаю, Юра Комаров правильно написал. Почему нас никто не мог победить? Потому что русский солдат силен духом и не боится воевать... Ты действительно хочешь стать военным, Юра?

– Да.

– Хорошее сочинение. Патриотическое. Для пятиклассника просто отличное. Я согласна поставить тебе за год четверку, и обязательно сообщу об этом Людмиле Анатольевне...

Комаров зарделся и стал совсем красным, почти как пионерский галстук на груди.

В этот же день Юрка легко исправил тройку по математике, решив контрольную за пятый класс. Когда мы возвращались домой, он прямо-таки светился от радости.

– Ну что, отличник, – усмехнулся я. – Я сейчас фото Виктора захвачу и к тебе приду. Озадачим твоего соседа, «Шерлока Холмса».

– Давай, а я пока оценками перед батей похваюсь...

Глава 5

Мальчик Валера Дерябин, которому я решил поручить слежку за братом, оказался маленьким неприметным подростком, с темно-русыми короткими волосами, хитрыми карими глазенками и носом картошкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.